

Опальные рассказы. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://zoschenkomihail.ru/> Приятного чтения!

Опальные рассказы. Михаил Михайлович Зощенко

Предисловие.

Трагедия Магистра Смеха

У нас есть библия труда, но мы ее не ценим. Это рассказы Зощенко. Единственного человека, который показал нам трудящегося, мы втоптали в грязь. А я требую памятников для Зощенко по всем городам и местечкам Советского Союза или по крайней мере, как для дедушки Крылова в Летнем Саду.

Осип Манделъштам

27 сентября 1930 года арестовали в Москве моего отца. В том же году я впервые увидел М. М. Зощенко. В последний раз простился с ним на похоронах в Ленинграде.

Для любого знакомства – двадцать восемь лет, – срок немалый. Он знал меня ребенком, школьником-подростком, юношей, человеком зрелых лет.

Наезжая в Москву, Зощенко приходил в наш «опустелый дом». Михаил Михайлович с нежностью относился к отцу, редактору его книг.

В те трудные расстрельные годы внимание постороннего к семье «врага народа» рассматривалось как наивысший критерий порядочности.

Я часто смотрю на последнюю прижизненную фотографию М. М. Зощенко, с наслаждением перечитываю его нестареющие книги и всякий раз нахожу в них своеобразную и неповторимую самобытность.

Михаил Михайлович Зощенко родился на Украине, в Полтаве – 10 августа 1895 года. Отец потомственный дворянин – художник огромного дарования. Его изумительные полотна: акварели, рисунки, карандашные наброски хранятся в запасниках Третьяковской галереи в Москве и в Русском музее в Ленинграде.

Шесть десятилетий они терпеливо ждут очереди пока их выставят для широкого обозрения.

Мать Зощенко – русская.

В 1913 году Михаил Зощенко окончил гимназию.

«Осенью 1914 года началась мировая война, – вспоминает Михаил Михайлович, – и я, бросив юридический факультет Петроградского университета, ушел в армию, чтобы на фронте с достоинством умереть за свою родину».

Он служил в Мингрельском полку Кавказской гренадерской дивизии. В девятнадцать лет его произвели в поручики, за храбрость наградили боевыми орденами и присвоили чин штабс-капитана. О подвигах молодого офицера писали газеты и журналы. Два года на передовой. Бои, – один страшнее другого.

Ранения. Контузии. Отравления газами. Тяжелые операции. Пришло то, чего он больше всего боялся – одиночество, меланхолия, надломленное сердце, истощение нервной системы, неверие в собственные силы и это, пожалуй, самое страшное для будущего писателя.

Михаил Зощенко вошел в литературу в самом начале двадцатых годов. Он принес в искусство опыт человека прошедшего через три войны – Первую мировую, гражданскую и революцию. Его путь в искусстве был трудным и сложным. Он перепробовал множество профессий: комендант почтамта, сапожник, актер драматического театра, милиционер, телефонист, агент уголовного розыска, инструктор по птицеводству, делопроизводитель, секретарь суда, кондуктор трамвая, счетовод...

М. М. Зощенко начал с произведений очень сильных. Уже первая его книга «Рассказы Назара Ильича Синебрюхова» (1922) говорила о том, что в литературу вошел писатель с особенным, ни на кого не похожим голосом. Герой его рассказов Синебрюхов говорил: «Каким ни на есть рукоеслом займусь – все у меня в руках кипит и вертится».

Опальные рассказы. Михаил Михайлович Зощенко zoschenko1hai1.ru
Стрелочник спрашивает Аполлона Перепенчука, героя повести «Аполлон и Тамара», собиравшегося покончить самоубийством:

– Знаешь ли какое ремесло?

– Нет.

– Это худо, – сказал стрелочник, покачав головой – Как же это, брат без ремесла жить? Это, я тебе скажу, немисливо худо! Человеку нужно непременно понимать ремесло...

Стрелочник устраивает Аполлона Перепенчука на работу могильщика, и в этом ясно звучит ирония автора по отношению к людям, занятым только переживаниями и пустопорожними рассуждениями.

Комический сказ, созданный писателем обличал мещанина. Он прорывался сквозь шквал жизненного уродства. Он вносил в ряды «уважаемых граждан» и «нервных людей» смятение и беспорядок.

Получив на фронте хроническое заболевание сердца М. М. Зощенко глубоко заинтересовался вопросами психоанализа. У букинистов Ленинграда, Москвы, Киева, Харькова, Одессы, Воронежа он доставал книги Зигмунда Фрейда, изучал йогов, читал Кафку, Пруста, Ницше. Собрал обширную литературу о Достоевском, пытаясь проникнуть в его внутренний мир. Увлёкся психиатрией, генетикой, парапсихологией, философией, физиологией. У него завязались добрые, дружеские отношения с академиком И. П. Павловым, профессором Л. С. Штерн, селекционером И. В. Мичуриным.

Двадцать лет он вынашивал замысел своей Главной книги – самой умной и самой человеческой, талантливой и мудрой.

В годы Второй мировой войны он находился в эвакуации в Алма-Ате. Москвичи и ленинградцы, киевляне и одесситы, именитые деятели литературы и искусства чаще всего встречались на толкучке, где можно было все продать и все купить.

По вечерам, снедаемый тоской, М. М. Зощенко приходил в нетопленный павильон киностудии, где полуголодный Сергей Михайлович Эйзенштейн снимал «Ивана Грозного».

Художники подружились.

Они умели молчать и слушать тишину.

Михаил Михайлович пригласил Эйзенштейна, Виктора Шкловского, Елену Булгакову и меня послушать только что законченную повесть.

– Я не пророк, – сказал Эйзенштейн, – но по-хорошему завидую, книга ваша переживет поколения.

Темпераментный Виктор Борисович Шкловский, почесав рукой затылок отполированной головы, проговорил, захлебываясь скороговоркой:

– Миша, ты написал лучшую свою книгу, но она не ко времени. Или ты станешь великим, или же тебя обольют грязью.

Внимательная и заботливая Елена Сергеевна где-то раздобыла бутылку водки и из своей комнатухи принесла большую, тарелку оладий. Все набросились на еду. В одно мгновение опорожнили заветную бутылку. Эйзенштейн в портфеле обнаружил полпачки чая и несколько кусочков пиленого сахара.

Елена Сергеевна тихо сказала:

– Михаил Афанасьевич Булгаков вашу повесть, Мишенька, поставил бы на полку с самыми любимыми книгами.

Зощенко благодарно кивнул, потом глухо проговорил:

– Я всегда бережно относился к тому, что написал достойнейший из писателей,

Опальные рассказы. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
Михаил Булгаков...

Ежемесячный литературно-художественный журнал «Октябрь» напечатал повесть М. М. Зощенко «Перед восходом солнца» в шестом и седьмом номерах за 1943 год. В России она больше не переиздавалась. На второй день после выхода в свет эти номера стали библиографической редкостью. Из библиотек – районных, городских, областных, республиканских и прочих – они давно изъяты и преданы анафеме. Хотя литературоведы – «зощенковеды», толкователи «юмора» и «сатиры» не забывают на нее ссылаться и даже цитировать целые куски.

11 декабря 1943 года в ЦК ВКП(б) состоялось обсуждение повести М. М. Зощенко. С резкой критикой выступил А. А. Фадеев. Собачий визг поднял в печати Н. С. Тихонов, который в далекой молодости числился в «Серапионовых братьях», а потом переквалифицировался, стал факельщиком и трубадуром холодной войны. Словесным кастетом он бил живых и глумился над мертвыми.

Фрагмент из его статьи:

«Повесть Зощенко – явление глубоко чуждое духу, характеру советской литературы. В этой повести действительность показана с обывательской точки зрения уродливо искаженной, опошленной, на первый план выдвинута мелкая возня субъективных чувств».

Михаила Зощенко вызвал секретарь ЦК ВКП(б) Жданов. Красномордый человек с крупными лошадиными зубами потребовал от него «беспрекословного послушания». М. М. Зощенко стал обладателем «социального заказа» и строгих напутствий. Так появились халтурно-убогие, никому не нужные повести и карамельные, высосанные из пальца рассказы о Ленине, к которым он относился весьма скептически.

Редакция журнала «Юность» поручила мне взять у М. М. Зощенко интервью.

В Ленинграде его не оказалось. С фотокорреспондентом Н. В. Уваровым мы поехали к нему на дачу в Сестрорецк.

Его жена Вера Владимировна всячески пыталась оградить писателя от любых интервьюеров.

М. М. Зощенко меня узнал. Грустные глаза его потеплели. Говорил он тихо, спокойно, без нарочитого пафоса и без рисовки. На дворе стояло бабье лето. Михаил Михайлович предложил нам пойти в сад. Утренняя свежесть располагала к дружеской, непринужденной беседе. Меня поразил вид Зощенко.

Тонкие паутинки морщинок избородили его лицо, взгляд красивых глаз перестал быть живым и острым. Грусть и тоска о навсегда ушедшем и невозвратимом наложили на него свой беспощадный отпечаток. Старые раны и жизненные потрясения давали о себе знать. Отсюда и отчужденность, и непроходящая меланхолия, и апатия.

С собой мы привезли две бутылки армянского коньяка.

– К сожалению, пить мне нельзя, – сказал М. М. Зощенко. – Врач разрешает молоко, кефир, некрепкий кофе один раз в неделю и слабозаваренный чай.

Русалочьей походкой вошла Вера Владимировна. Принесла поднос с завтраком: молоко, простоквашу, брынзу, сыр, творог, масло, боржом, мед, тоненькие ломтики поджаренного хлеба.

После завтрака он проговорил тихим приглушенным голосом:

– Вы хотите знать, что со мной произошло после гражданской войны и революции? Только не перебивайте, а то я потеряю нить разговора. Этот отрезок времени почему-то стал всех интересовать. Уверен, что писать будут после моей смерти. Такова эволюция человеческой природы.

Зощенко передохнул. Фрукты он ел медленно. Из-за мнительности тщательно разжевывал каждый кусок. Без конца протирал стерильной салфеткой ложки, вилки, ножи. Боялся микробов.

– Первая мировая война парализовала мое нутро. Я навсегда потерял чувство

Опальные рассказы. Михаил Михайлович Зощенко zoschenko@mail.ru ориентира. Иногда наступало затишье, а потом опять начинал преследовать какой-то необъяснимый зловещий рок. Я нигде не мог найти успокоения, словно Агасфер менял города, деревни, села, хутора. Как-то забрел в Архангельск. Поморы – бесхитростные люди. С ними хорошо, беззаботно, весело. На побережье Ледовитого океана, в старинном русском городке Мезень встретил синеокою красавицу Ладу. В двадцать три года она имела трех сыновей. Муж ее с артелью рыбаков пошел в море за сельдью, никто из них не вернулся. Лада не верила, что его поглотила морская пучина и каждый день ждала своего нареченного. Таких красивых женщин мне еще не довелось видеть.

Я попросил Ладу разделить со мной одиночество.

– А что будет потом? – спросила она. – Пройдет восторг первых ночей, наступит обыденность, вас потянет в Ленинград или в Москву.

Я упорно твердил свое, что она не должна оставаться в заброшенном крае, где кроме ледящего душу холода ничего нет.

– Ошибаетесь, дорогой Михаил Михайлович, – проговорила Лада протяжно, чуть нараспев. – У меня есть три сына, три богатыря – Петр, Александр, Николай; чтобы счастливыми были, нарекла их царскими именами. Кроме того есть вера в Бога, Библия, иконы, книги. Скажите, разве этого мало?

Я ничего не мог с собой поделаться, мне все нравилось в этой женщине: и легкая воздушная походка, и певучая образная русская речь, и то, как она работала – убирала, стирала, готовила, стряпала. Лада никогда не роптала, все делала с удовольствием. Поздно вечером, когда засыпали дети, Лада брала старенькую гитару. Она знала множество старинных песен и романсов. Трудно было понять, откуда у нее брались силы, какие соки напавали ее светлую душу?

Лада жила в крае вечной мерзлоты, где летом зима и весной зима. Однажды она отправилась в лавочку за керосином. Стемнело. Захлестывала метель. Лада ускорила шаг. В шуме ветра почувствовала, скорее интуитивно, что ее кто-то тяжело нагоняет. Остановилась. В нескольких метрах от нее возвышалась полутонная глыба белой медведицы, которая сверлила женщину пуговичными глазками. Начался поединок. Лада кинжалом, с которым никогда не расставалась, убила медведицу. Целый год в доме было мясо.

В тот вечер я спросил за ужином:

– Лада, вот вы говорите про веру в Бога, подчеркиваете свое с ним единение, не забываете молиться, с детства совершаете обряды, приучили детей молиться, а вот ОН забрал у вас любимого человека, вашего единственного мужчину, отца ваших сыновей?

Женщина спокойно ответила:

– Мой отец священник, последователь патриарха Тихона. Его с матушкой расстреляли большевики. Мы псковичи. Сюда нас навечно сослали. Простите за откровенность, если что не так...

Я поехал в Новгород, затем два месяца жил в монастыре под Псковом. Ездил к Пушкину в Михайловское. Потом последовали Курск, Брянск, Клинцы, Орел. Владимир, Суздаль, Тамбов, исколесил Смоленскую губернию и снова вернулся в Петроград.

– Удалось ли вам, Михаил Михайлович, хоть в какой-то степени найти в писательстве внутренний покой?

– Читательская масса в моих рассказах искала голый смех, попросту говоря, им хотелось «поржать, да животики надорвать». Людские страдания, нечистоплотность жизни, остались за кадром, даже маститые критики не хотели понимать моей трагедии, моего душевного крика.

Писательский союз направил М. М. Зощенко в «творческую» командировку на Беломорско-Балтийский канал. В Май-Губе на лагерном пункте он случайно увидел Ладу.

– Отравление газами и невытая Лада в продырявленной телогрейке – самое тяжкое

Опальные рассказы. Михаил Михайлович Зощенко zoschenko1hai1.ru
потрясение в моей жизни, – сказал писатель. – Я спросил ее про сыновей.

Безразличным голосом Лада ответила, что ничего о них не знает.

Вернувшись домой, я послал ей посылки с продуктами, деньги, теплые вещи. Мне хотелось написать повесть о женщине-лагернице, прообразом сделать Ладу, но из этого замысла ничего не получилось. Не я в этом виноват. Юморист во мне давно умер. В образе человека остался живой скелет, который с трудом доживает свой век, начертанный Временем и судьбой.

С моря подул холодный ветер. Мы вернулись в дом. Вера Владимировна ушла на базар. М. М. Зощенко почувствовал себя свободней. В присутствии жены ему не хотелось говорить.

В его рабочей комнатке на письменном столе лежали книги Фрейда, Кафки, «Дневник» Достоевского, «Агасфер» Эжен Сю с закладками, рукопись «Перед восходом солнца».

Михаил Михайлович поделился замыслом романизированной повести, которую вынашивал много лет, возможно мысль о ней запала, когда он лежал в госпиталях отравленный газами.

– Едут в первую мировую войну по лесу на фронте два человека – офицер и вестовой, два разных человека. Каждый по-своему любит Русь. Офицер уже кое-что соображает, чувствует. Июльский сумеречно-теплый лес торопливо готовился отойти ко сну. Одна за одной смолкали непоседливые лесные птицы, замирали набухающие темной елки. Затвердевала смола. И ее запах мешался с запахом сухой, еще не опустившейся наземь росы. Везде был отрадный, дремотный лес. Он засыпал, врачюя покоем смятенные души офицера и солдата; лес был добр, широк, был понятен и назойлив, от него веяло родиной и покоем, как веет от старой и мудрой матери...

М. М. Зощенко оборвал и заговорил о другом. Но потом не раз возвращался к той же сцене в лесу. Что-то очень важное возникало в том ненаписанном эпизоде – автобиографическое, может быть, определившее жизнь.

Но когда писатель не договаривал, и похоже было, что он не рискует коснуться испытанного в том прифронтовом лесу чувства словами приблизительными...

Вера Владимировна приготовила чай с чудесным домашним печеньем. На стол постелила кокетливую скатерть. Потом ушла к себе. А Зощенко продолжал говорить. Он торопился закончить свою исповедь:

– Редакция детского ежемесячного журнала «Мурзилка» попросила дать им для публикации «какой-нибудь смешной рассказ». Я ответил по телефону: «Рассказ непременно пришло в ближайшее время, но не уверен, что он будет очень смешной, скорее печальный». Так на страницах «Мурзилки» появился безобидный рассказ «Приключения обезьянки». Этот рассказ понравился Виссариону Саянову, главному редактору журнала «Звезда». Не согласовав со мной, он в порядке самостоятельности перепечатал мой рассказ про злополучную обезьянку. Саянов был уверен, что сделал мне приятный сюрприз.

Финал не заставил себя ждать.

А в это время «специальные корреспонденты» ЦК ВКП (б) – Ермилов, Дымшиц, Еголин под руководством Жданова готовили специальное, правительственное постановление о журналах «Звезда» и «Ленинград». Ушаты помоев были вылиты на голову М. М. Зощенко за повесть «Перед восходом солнца» и за безобидный рассказ «Приключение обезьянки». В августе 1946 года Михаила Михайловича Зощенко исключили из союза писателей и выгнали из членов профсоюза.

Главный редактор журнала «Юность» В. П. Катаев забраковал нашу беседу.

– Вместо разговора о боевой советской сатире у вас получилась сентиментальная размазня. Не пойдет! Негативы сдайте в архив, полученные деньги – в кассу.

Письмо А. А. Фадеева М. М. Зощенко

12 октября 1948 года

Опальные рассказы. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
Уважаемый Михаил Михайлович!

Извини, что отвечаю тебе с таким многомесячным опозданием! В мае я уехал в санаторий, а потом ушел в длительный творческий отпуск, и все дела волей-неволей отложились на осень.

Что произошло с твоей комедией? Кроме меня и П. И. Лебедева ее прочли некоторые другие товарищи, от которых также зависела ее постановка в театре.

Товарищи нашли, что комедия не перерастает в сатиру на американский империализм, что она недостаточно остра и зла, что враг показан только смешным, что при отсутствии положительных персонажей, юмористические обыгрывания гангстерства без сатирического разоблачения самой сущности империализма, могут вызвать у зрителя обратный эффект – благодушного отношения к злу. К числу этих товарищей принадлежит К. М. Симонов. Он нашел также недостатки в комедии и именно поэтому отказался ее печатать.

Я советовался по этому вопросу с Лебедевым, и мы пришли к выводу, что в этих условиях настаивать на постановке комедии в театре значило бы подвести тебя под удар. Все дело в том, что и у меня и у него, – если уж говорить о наших сомнениях, – то же главное опасение вызвал этот изложенный выше недостаток комедии. Мне, правда, казалось, что театр дотянет там, где у тебя смягчено, но если не только я и Лебедев, а все обратили внимание именно на эту сторону комедии, значит в этом есть объективная правда и комедия сама нуждается в доработке именно в этом направлении.

Мне кажется, ты вполне можешь это сделать. Вопрос, который ты хочешь через меня поставить в ЦК, – о возможности твоей работы в литературе – вопрос неправомерный. Ведь все дело в том, чтобы сделать вещь политически и художественно цельную и нужную. Значит, дело в самой работе, а не в чьем-то разрешении на ту или иную работу.

Я пишу одновременно письмо в президиум Ленинградского союза писателей, чтобы они связались с горкомом и областным отделением профсоюза работников печати на предмет восстановления тебя в правах члена профсоюза.

Тебе необходимо будет подать заявление в писательский горком профсоюза в Ленинграде о восстановлении тебя в правах члена профсоюза, поскольку после исключения ты печатался в журнале и имеешь произведения малых форм, разрешенные к постановке.

Я написал также во Всесоюзное правление Литфонда о предоставлении тебе дополнительной ссуды, чтобы дать возможность закончить пьесу.

Мне кажется, что тебе, главным образом, не следует падать духом.

Желаю успеха. А. А. Фадеев

Вряд ли стоит комментировать послание «инженера человеческих душ».

Только в июне 1953 года больного писателя вновь приняли в писательское логово.

В Сестрорецк, к нему на дачу, где почти безвыездно жил больной художник, приехал А. А. Фадеев.

– Мы не пойдем друг друга, потому что мы слишком разные, – сказал ему еще опальный писатель.

Михаил Михайлович тяжело умирал. Не выдержало его надломленное сердце.

Он умер 22 июля 1958 года.

Огромные толпы провожали любимого писателя в последний путь.

Самый красивый венок принесла Лада Крестьянинова. Меня с ней познакомила вдова писателя.

Так жил и умер некоронованный Магистр Смеха, замечательный русский писатель

Опальные рассказы. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
Михаил Михайлович Зощенко.

Леонард Гендлин, 1981 год.

Баба

Судья пристально смотрит на обвиняемых. Их двое – муж и жена.

Самогонщики.

– Так как же, – спрашивает судья, – значит, вы, обвиняемый, не признаете себя виноватым?

– Нету, – говорит подсудимый, – не признаю.. Она во всем виновата. Она пуцай и расплачивается. Я ничего не знаю про это..

– Позвольте, – удивляется судья, – как же так? Вы живете с женой в одной квартире и ничего не знаете? Не знаете даже, чем занимается ваша жена?

– Не знаю, гражданин судья.. Она во всем..

– Странно, – говорит судья. – Подсудимая, что вы скажете?

– Верно уж, начальник судья, верно.. Я во всем виновата.. Меня и казните.. Он не касается.

– Гражданка, – говорит судья, – если вы хотите выгородить своего мужа, то напрасно. Суд все равно разберет. Вы только задерживаете дело. Вы сами посудите: не могу же я поверить, что муж живет в одной квартире и ничего не знает.. Что, вы не живете с ним, что ли?

Подсудимая молчит. Муж радостно кивает головой.

– Не живу я с ней, – говорит он, – вот именно: не живу. Некоторые думают, что я живу, а я нет. Она во всем виновата..

– Верно это? – спрашивает судья у подсудимой.

– Уж верно.. Меня одну казните, он не причастен.

– Вот как! – говорит судья – Не живете.. Что ж, вы характером не сошлись?

Подсудимый кивает головой.

– Характером, гражданин судья, и вообще.. Она и старше меня и..

– То есть, как это старше? – спрашивает подсудимая. – Ровесники мы с ним, гражданин судья.. На месяц-то всего я и старше.

– Это верно, – говорит подсудимый, – на месяц только. Это она правильно, гражданин судья. Ну, а для бабы каждый месяц, что год. В сорок-то лет..

– И нету сорока. Врет он, гражданин судья.

– Ну хоть и нету, а для бабы и тридцать девять – возраст. И волос все-таки седой к сорока-то и вообще..

– Что вообще? – возмущается подсудимая. – Ты договаривай! Нечего меня перед народом страмить. Что вообще?

Судья улыбается.

– Ничего, Марусечка.. Я только так. Я говорю – вообще.. и кожа уж не та, и морщинки, ежели, скажем, в сорок-то лет.. Не живу я с ней, гражданин судья..

– Ах, вот как! – кричит подсудимая. – Кожа тебе не по вкусу? Морщинки тебе, морда собачья, не нравятся? Перед народом меня страмить выдумал.. Врет он, граждане судьи! Живет он со мной, сукин сын. Живет. И самогонный аппарат сам покупал.. Я ж для него, сукиного сына, кровь порчу, спасаю его, а он вот что!

Опальные рассказы. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
Страмить... Пуцай вместе казнят...

Подсудимая плачет, громко сморкаясь в платок. Подсудимый оторопело смотрит на жену. Потом с отчаянием машет рукой.

– Баба, баба и есть, чортова баба... Пуцай уж, гражданин судья... я тоже... И я виноват. Пуцай уж... У-у, стерва...

Судья совещается с заседателями.

Нищий

Повадился ко мне один нищий ходить. Парень это был здоровенный: ногу согнет – портки лопаются, и к тому же нахальный до невозможности.

Он стучал в мою дверь кулаками и говорил не как принято: «подайте, гражданин», а:

– Нельзя ли, гражданин, получить безработному.

Подавал я ему раз, другой, третий. Наконец, говорю:

– Вот, братишка, получай полтинник и отстань, сделай милость. Работать мешаешь. Раньше как через неделю на глаза не показывайся.

Через неделю ровно нищий снова появился. Он поздоровался со мной, как со старым знакомым, за руку. Спросил – чего пишу.

Я дал ему полтинник. Нищий кивнул мне головой и ушел.

И всякую неделю, по пятницам, приходил он ко мне, получал свой полтинник, жал мне руку и уходил.

А раз как-то, получив деньги, он помялся у двери и сказал:

– Прибавить, гражданин, нужно. Невозможно как все дорожает.

Я посмеялся над его нахальством, но прибавил. Наконец, на днях это было, он приходит ко мне. Денег у меня не было...

– Нету, – говорю, – братишка, сейчас. В другой раз...

– Как, – говорит, – в другой раз? Уговор дороже денег... плати сейчас.

– Да как же, – говорю, – ты можешь требовать?

– Да нет, плати сейчас. Я, – говорит, – не согласен ждать.

Посмотрел я на него – нет, не шутит. Говорит серьезно, обидчиво, кричать даже начал на меня.

– Послушай, – говорю, – дурья голова, сам посуди, можешь ли ты с меня требовать?

– Да нет, – говорит, – ничего не знаю.

Занял я у соседа полтинник – дал ему. Он взял деньги и не прощаясь ушел.

Больше он ко мне не приходил – наверное, обиделся.

Авантюрный рассказ

1. Таинственная западня

На площадке четвертого этажа человек остановился. Он пошарил в карманах, вынул спички и чиркнул.

Желтое, короткое пламя осветило медную дверную дощечку. На дощечке было сказано буквально следующее: «Зубной врач Яков Петрович Шишман».

– Здеся, – прошептал незнакомец. И, не найдя звонка, постучал ногой в дверь.

Опальные рассказы. Михаил Михайлович Зощенко zoschenko1hai1.ru
Вскоре щелкнул французский замок, и дверь бесшумно раскрылась.

– Звиняюсь, зубной врач принимают? – спросил незнакомец, с осторожностью входя в полутемную прихожую.

– Вам придется немного обождать, – сухо ответил врач. – У меня сейчас пациент.

– Ну, что ж, можно обождать, – добродушно согласился незнакомец.

Врач острым сверлящим взглядом посмотрел на незнакомца и, недобро усмехнувшись, добавил:

– Прошу вас пройти в столовую. Следуйте за мной.

И едва незнакомец сел, как врач, быстро обернувшись назад, выскочил из комнаты и захлопнул за собой тяжелую, массивную дверь.

Раздалось зловещее щелканье замка.

Незнакомец смертельно побледнел и пытливым взглядом окинул помещение.

Комната была почти пуста. Кроме стола, покрытого скатертью, и пары деревянных стульев, ничего в ней не было.

2. Врач принимает незнакомца.

Через двадцать минут зубной врач Яков Шишман принял незнакомца.

– Я очень извиняюсь, – сказал врач, – что мне пришлось закрыть вас в столовой. Прислуги у меня, видите ли, нету. А знаете, какое нынче времечко? Давеча у меня пациенты два пальто с вешалки унесли. Перед тем – шубу... А сегодня, знаете, один дьявол последнюю медную плевательницу из прихожей вынес. Прямо хоть бросай работу. Пока тут, знаете, возишься с пациентом, ожидающие выносят. Приходится принимать такие меры... Я очень извиняюсь... Откройте рот...

– Хм, – неопределенно сказал незнакомец и открыл рот.

3. Чистая работа

Незнакомец вышел на улицу, остановился у фонаря и саркастически усмехнулся.

– Тэк, – сказал незнакомец, – посмотрим теперича что за дермо.

Он вынул из-под пальто столовую скатерть и развернул ее.

– А скатертишка-то дрянь. Латаная скатертишка, – прошептал сквозь зубы незнакомец и с остервенением сплюнул.

Затем потоптался на месте и пробормотал:

– Ну, пес с ей, какая есть! Кроме ее ни чорта же не было. Не стулья же, граждане, выносить.

Незнакомец махнул рукой и побрел дальше.

Через сто лет

Уважаемый читатель! Я не знаю, какие газеты будут через сто лет. Может быть, газет и совсем не будет. Может быть, у каждого гражданина над кроватью будет присобачен особый небольшой радио-приемник, по которому и будут узнаваться последние сенсационные политические новости.

Однако, может, газета и будет. Конечно, это будет иная газета, чем теперь. Будет она, небось, напечатана на бристоальском картоне с золотым обрезом, в 24 страницы.

Но одно в ней сохранится – это отдел жалоб. Говорят: ничто не вечно под луной. Явно врут. Отдел жалоб будет вечно.

На наш ничтожный взгляд, в 2025 году отдел этот будет примерно в таком виде:

Аэро-разврат

Уважаемый товарищ редактор! Вчерась, возвращаясь со службы на казенном фармане, мне представилась в воздухе такая картина. Летит под пропеллером двухместная колбаса, на которой облокотившись летит заведывающий 10-ой радио-кухней со своей кассиршей Есиповой.

Не разобравши за шумом, про чего они говорят, я пролетел мимо.

А пуцай-ка спросит редакция, на какие это народные деньги летит на колбасе зарвавшийся заведывающий радио-кухней?

А кассиршу давно бы пора по зубам стукнуть – пуцай не тратит бензин на свои любовные прихоти. А когда я на нее с казенного фармана посмотревши, так она трудящемуся язык показывает.

Служащий 10-ой радио-кухни Чесноков.

Халатность

Гражданин редактор! Пора, наконец, упорядочить дело с пеплом.

Отвезши мою помершую бабушку в крематорий попросив заведывающего в ударном порядке сжечь ее остатки, я являюсь на другой день за результатом.

Оказалось, что мне перепутали пепел, выдав вместо ее пепла пепел какой-то гражданки. На вопрос, – где же старушкин пепел? – заведывающий нагло ответил, что пепел безразлично, какой чей, и что ему нету времени возжаться с пеплом.

На вопрос, что эта старушка была свидетельницей Революции и что это – великая старушка, – заведывающий явно испугался и просил не доводить дело до центра, предложив мне, кроме того, взять еще сколько угодно пеплу.

На вопрос – как же я могу разобраться, какой чей пепел, – заведывающий заявил, что он не в курсе и что он на следующих моих родственниках будет делать специальные метки.

Уважаемый редактор, пора бы поднять вопрос о правильной постановке дела на страницах вашего органа.

С приветом, Лучкин

Тормозят науку

Уважаемый редактор и дорогие наборщики!

Наблюдая из окна в телескоп Марс и другие планеты с научной целью, я заметил какое-то затемнение рефрактора.

Взлезши немедленно на подоконник, чтоб узнать, в чем дело, и удостовериться, отчего это затемняется, и не планета ли заслонила трубу, увидел, что сбоку кто-то пронзительно свистнул, и чья-то фигура скрылась за углом трехэтажного небоскреба.

При ближайшем осмотре оказалось, что неизвестная фигура сперла с телескопа увеличительную стекляшку, через что смотреть на небесные миры.

Заявив милиции о пропаже стекляшки, прошу кроме того уважаемый печатный орган продернуть лиц, тормозящих науку и прущих из-под носа научные стекляшки.

Ник. Кушаков.

Старая история

Отличаясь слабостью организма, я ежедневно поднимаюсь на колбасе для принятия солнечных ванн.

Вчера, поднявшись на небосвод, я обратил внимание, что на бывшем Петропавловском

Опальные рассказы. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
шпилю торчит какая-то шуковинка.

Подлетев ближе, выяснилось, что это торчит небольшая бывшая коронка.

Доколе же, гражданин редактор и наборщики?

Неужели же смотритель Петропавловки мечтает еще о возврате царского режима?

Потомственный крестьянин Егор Бабичев

Случай

На днях я пошел на склад. Дров покупать.

Купил полсажени осиновых и думаю с горечью: «И топор, думаю, есть, а наколоть дров некому. А мне самому – здоровье не позволяет».

А я, действительно, человек слабый, организм у меня городской, кость хрупкая, мелко-мещанская. Иной раз взмахнешь топором – и пугаешься, не сломать бы какой-нибудь нужной части скелета.

«Разоренье, – думаю, – с этими дровами. Придется, думаю, человечка принанять: наколоть и в этаж снести».

И вдруг подходит ко мне тут же, на складе, этакий арапистый гражданин в бабьей шляпке и в штанах ужасно рваного вида. Подходит и докладывает:

– Интересуюсь, – говорит, – работой. Могу, – говорит, – колоть, могу пилить и могу в любые этажи носить.

– Можно, – говорю.

Сговорились мы в цене и пошли. Приходим домой, а хозяйка топора не дает.

– Я, – отвечает, – пятьдесят лет на свете живу. Глаз, – говорит, – у меня наметанный, и человека я враз вижу. Этот пришедший человек, хотя и симпатичная у него личность, настолько скромно и неинтересно одет, что обязательно топор свистнет. Я, – говорит, – вдова, на социальном обеспечении, и не могу разбрасываться топорами налево и направо. Я, – говорит, – топоры не сама делаю.

Обеспечил я хозяйке цену за топор – дала.

Взял мой гражданин топор, поплевал на руки и начал. Гляжу: ловко так колет – глядеть приятно. Наколет охалочку, крякнет, взвалит на себя и прет кверху.

Он дрова носит, а хозяйка по квартире мечется – вещи пересчитывает – не спер бы, боится. А сын ее, Мишка, у вешалки польты считает.

«Ах, – думаю, – чортова мещанка!»

А сам я пальтишко свое снял, отнес в комнату и газетой прикрыл. «Лучше, – думаю, – газетой прикрыть, чем на глазах пересчитывать – человека обижать».

Гляжу: кончил мой гражданин.

Деньги я ему сполна уплатил и говорю любезно:

– Садитесь, – говорю, – к столу. Чай будем кушать.

– Нет, – говорит, – спасибо. Бежать надо. Лекция у меня сейчас.

– Ах, – говорю, – скажите на милость, как движется наука и техника!

Неужели же, говорю, насчет дров ученые профессора лекции теперича читают?

– Нет, – отвечает, – я студент из вуза. А на дровах работаю для цели питания.

Очень я сконфузился, повесил свое пальто на вешалку, очки на нос надел и говорю любезно:

– Извините, – говорю, – за бедность мысли – обмшурился.

Хотел я добавить еще какое-нибудь французское или немецкое слово, но с неожиданности перебыл иностранные языки и замолчал. Стою и кланяюсь молча.

А он кивнул головой и интеллигентно вышел.

Вот это был единственный случай, когда я студента видел. До этих пор видеть не приходилось. Даже неловко было. Все кричат: студенты, студенты. А я и не знаю, какие это студенты. Потому формы у них нету. Как узнаешь?

На посту

Очень худая профессия у врачей. Главное – пациент нынче пошел довольно грубоватый. Не стесняется. Чуть что не понял – драться лезет, или вообще убивает врача каким-нибудь предметом.

А врач, может, человек интеллигентный, не любит, может, чтобы его убивали. От этого, может, он нервничает.

А только у нас в приемном покое привычки такой нет, чтобы врачей убивать. У нас, может, с начала революции бессменно на посту один врач стоит. Ни разу его не убили.

Фельдшера, действительно, раз отвозили по морде, а врача пальцем не тронули. Он за ширмой был спрятавшись.

А что один раз нашего врача шибко напугали, так в этом порока нету, Это случайно произошло, а к тому же врач у нас вообще был довольно пугливый интеллигент. Бывало, пациента трубкой ковырнет и отбежит в сторонку, этак шагов на сорок и оттуда разговаривает. Довольно осторожный был интеллигент.

А когда Григорий Иванович Веревкин явился на прием, так врач уже был насторожившись нервно.

А приперся Григорий Иванович на прием по срочному делу. Надо ему было то есть до полного зарезу в отпуск ехать. В деревню. Батка его требовал.

Вот он приперся, разоблачился и стоит перед врачом, в чем мама родила. И думает: «Хорошо бы, думает, этого интеллигента недельки на две опутать».

А врач, конечно, ковырнул его трубкой по брюху и отбежал за шкафчик. И оттуда мямлит:

– Нету, – мол, – объективных болезней. Одевайтесь.

А Григорий Иванович расстроился и говорит ему с сердцем:

– Ты, – говорит, – дядя, хорошо меня слушай, а не ковырай зря трубкой. Я, – говорит, – и сам ковырнуть могу.

Врач, конечно, расстроился и снова стал слушать После отошел за шкафчик и говорит:

– Ей-богу, – говорит, – вот вам крест – ничего такого нету. Одевайтесь.

Стал Григорий Иванович одеваться. Одевается. И, конечно, у Григория Ивановича, у голубчика, и в мыслях не было врача, например, убить или фельдшера стукнуть. А просто-напросто расстроился человек, что отпуск у него рухнул. И в расстройстве чувств даже сплюнул в сторону. Даже руку в карман сунул, хотел платок достать – высморкаться для полного успокоения.

И только он руку в карман сунул – крики. Врач, конечно, кричит – убивают. Фельдшер махает рукой, народ кличет.

Тут прибежал народ, схватил Григория Ивановича Веревкина, держит.

Веревкин говорит:

– Да что вы, братцы-сестрицы очумели, что ли?

А фельдшер, зараза, отвечает:

– Он руку сейчас в карман сунул, хотел, может, нас, обоих медиков, зараз трахнуть.

Стали Григория Ивановича обыскивать, а только ничего такого, кроме махорки, не нашли.

А что про платок Григорий Иванович говорил, будто он хотел в платок интеллигентно высморкаться, то врет. Платка у него тоже не нашли.

Небось, просто так он сунул руку в карман. А в этот момент и закричали. Только напрасно закричали. У нас вообще привычки нет врачей убивать.

Пуцай живут. Жалко что ли?

Шипы и розы

На лестнице раздался резкий звонок.

Я бросился открывать дверь. Открыл. И вдруг в прихожую стремительно ворвался человек. Он явно был не в себе. Рот у него был открыт, усы висели книзу, глаза блуждали, и слюна тонкой струйкой текла по подбородку. Пиджак был порван и надет в один рукав.

– Счетчик?! – дико захрипел человек. – Скорей! Где?

Я ахнул с испугу и ткнул пальцем под потолок. Человек вскочил на столик, раздавил ногой отличную дамскую шляпу и принялся за счетчик.

– Товарищ, – испуганно спросил я, – вы кто же, извиняюсь, будете? Контролер, что ли?

– Контролер, – хрипло сказал человек. – Ччас проверим, и дальше бежать надо...

Контролер спрыгнул на пол, зашиб ногу об угол сундука и, охая, бросился к выходной двери.

– Товарищ.. Братишечка, – сказал я, – вы бы присели отдохнуть. На вас лица нет.

Контролер остановился, перевел дух и сказал:

– Фу... Действительно... Запарившись я сегодня... Сто квартир все-таки... Раньше мы шестьдесят проверяли, а теперича восемьдесят надо... А если больше, твое счастье – премия теперь идет... Вот догону сегодня, ну, до полутораста, и будет... Мне много не надо. Я не жадный.

– Ну и ничего, поспеваете? – осторожно спросил я, поправляя помятую шляпу.

– Поспеваем, – ответил контролер. – Только что публика, конечно, не привыкли еще к повышению производительности. Пугается быстроте. Давеча вот в седьмой номер вбегаю – думали, налетчик. Крик подняли. В девятом номере столик небольшой такой сломал – опять крики и недовольство. В соседнем доме по нечаянности счетчик сорвал – квартирант в морду полез. Не нравится ему, видите ли, что счетчик висит неинтересно. Некрасиво, говорит... Ах, гражданин, до чего публика не привыкли еще! Только что в вашей квартире тихо и благородно... Шляпенция-то еще держится... раздавил я ее, что ли?

– Раздавили, – деликатно сказал я, подвязывая на шляпе сломанные перья.

– Да уж эти дамские моды, – неопределенно сказал контролер, укоризненно покачивая головой.

Контролер потоптался у дверей и добавил:

– Беда с этим повышением. Всей душой рвешься, стараешься, а публика

Опальные рассказы. Михаил Михайлович Зощенко zoschenko@ha1.ru
некультурная, обижается быстроте... фу... Бежать надо. Прощайте вам.

Контролер сорвался с места, ударил себя по коленям, гикнул и одним прыжком ринулся на лестницу.

Производительность повышалась.

Три документа

Жизнь штука хитрая. Иные полагают, что в жизни все просто и ясно, но это не так. Это совсем не так, дорогие товарищи!

Вот возьмем для примера конторщика Костю Печенкина.

В прошлом году, в эту пору, возвращаясь слегка под хмельком, Костя Печенкин был ограблен. С него сняли шубу, избили и после отпустили с миром.

Небось, простодушный читатель подумает, что Костя Печенкин нынче опустился, ходит в рваной, летней шинелишке, без галош и кашляет от хронического бронхита. Ничуть не бывало.

Нынче Костя Печенкин герой и молодец. Он ходит в новом зимнем пальто с бобровым воротником, в новых галошах на байке, и кашне у него новое в полоску. При этом Костя Печенкин любит поговорить о своем ночном приключении. И говорит не без гордости и щегольства.

Мало того: говорят, что Костя Печенкин на днях женился на Лидочке Лыткиной. И это, говорят, произошло в связи с историей.

С чего бы это так Костя возвеличился? – удивится простодушный читатель. С чего? Эх, дорогие товарищи! Костя Печенкин жить умеет – вот с чего. Вот возьмем сейчас Костину историю, да копнем вглубь, да обернем медаль оборотной стороной! Нуте-ка, чего получится?

А вот чего:

Заявление

Состоя во вверенной вам канцелярии, сообщаю, что, возвращаясь вчера после трудового дня, я был остановлен каким-то социально-опасным преступником, который, подойдя ближе, велел снять зимнее с барашковым воротником пальто. Удивившись наглому требованию, я удивленно посмотрел, заявив, что при мне нет казенных денег, а если бы они и были, то я не отдал бы и лучше смерть. Тогда взбешенный неудачей преступник снова велел снять единственное пальто. Не растерявшись и сняв пальто, я остался в одном легоньком пиджаке, каждую минуту рискуя простудиться и тем самым манкировать в дальнейшем службой.

Сняв с меня еще и галоши государственной резиновой фабрики, – и, так сказать, народное достояние, – преступник обратился в бегство.

Закричав через полчаса о помощи, я был поднят прохожим и отвезен домой.

Оставшись в настоящее время совершенно раздетый вместе с моей престарелой матерью и не надеясь на бога, как на религиозный предрассудок, я обращаюсь с покорнейшей просьбой о выдаче мне из казенных сумм субсидии на предмет покупки зимнего пальто хотя бы без воротника.

Конст. Печенкин.

Письмо к матери

Ну и ну, дорогая мамаша, чего только происходит в Петрограде – это ужасно. В прошлом году вы писали мне, что вы нездоровы и больны, так как теперь ваше самочувствие? Поздравляю вас, кроме того, с прошедшими праздниками. Мне эти празднички ударили по карману. Я, дорогая мамаша, возвращаясь после службы, был остановлен и ограблен преступниками. И избит ими до бесчувствия.

А один из преступников, сняв с меня галоши, ударил по лицу. Удар пришелся по

Опальные рассказы. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
рту, отчего хлынула кровь у вашего, так сказать, единоутробного сына. В настоящее время, оставшись совершенно раздетый вместе со своей престарелой матерью и надеясь исключительно на милость и милосердие божие, я, дорогая мамаша, прошу вас прислать мне кое-что из теплого белья и нет ли еще шерстяных носков. За присланные же в прошлом году вязаные подштанники – благодарю и спасибо.

Ваш сын Конст. Печенкин.

Письмо к девице

Здравствуйтесь, дорогая и милая Лидочка! Вчера, возвращаясь после вечера, проведенного с вами, я был остановлен какой-то бандой преступников, которые с дикими криками и ревом набросились на меня с требованием снимать верхнее платье.

Не растерявшись и сбросив с ноги галошу, я принялся избивать ею направо и налево, наводя буквально панику на грабителей, которые стали разбегаться как крысы.

Тогда, страшно распарившись и сбросив с себя шубу, я бросился в погоню за одним из бандитов, который скрылся в каком-то переулке.

Вернувшись назад, шубы уже не было. Светила луна, и мороз достигал 15 градусов.

Тогда, подняв воротник пиджака, я пустился к дому, благодаря провидение за то, что вас не было со мной. Впрочем, я сумел бы защитить вашу жизнь.

Дорогая Лидочка, оставшись в настоящее время совершенно раздетый вместе со своей престарелой... Впрочем, что же это я? Да, так в настоящее время сижу дома, не имея возможности выйти. Зайдите, дорогая, навестите болящего.

Костя Печенкин

Вот и все, дорогой читатель. А против Кости мы зла не имеем. Женится? Пожалуйста! Государству нужно новое здоровое поколение. Мы против Кости ничего не имеем и не хотим ему портить карьеры. Пусть его. Мы только хотели показать, какая в сущности жизнь хитрая штука.

Эх, товарищи, трудно жить человеку на свете!

Неизвестный друг

Жил такой человек, Петр Петрович, с супругой своей, Катериной Васильевной. Жил он на Малой Охте. И жил хорошо. Богато. Хозяйство и гардероб, и сундуки полные добра... Было у него даже два самовара. А утюгов – и не счесть – штук пятнадцать.

Но при всем таком богатстве жил человек скучновато. Сидел на своем добре, смотрел на свою супругу и никуда не показывался. Боялся из дома выходить. Сами знаете, какое нынче вороватое времечко. Даже в кинематограф не ходил.

Ну, а однажды получил Петр Петрович письмо по почте. Письмо секретное. Без подписи. Пишет кто-то:

«Эх ты, – пишет, – старый хрен, степа – валеный сапог. Живешь ты с молодой супругой и не видишь, чего вокруг делается. Жена-то твоя, дурень старый, крутит с одним обывателем. Как я есть твой неизвестный друг и все такое, то сообщаю: ежели ты, старый хрен, придешь в Сад Трудящихся в 7 часов вечера в субботу, 29 июля, то глазами удостоверись, какая есть твоя супруга гуляющая бабочка. Протри глаза, старый хрен.

С глубоким почтением. Неизвестный друг».

Прочел это письмо Петр Петрович и обомлел. Стал вспоминать, как и что.

И вспомнил: получила Катерина Васильевна два письма, а от кого – не сказала. И вообще вела себя подозрительно: к мамаше зачастила и денег требовала на мелкие расходы.

«Ну, клюква! – подумал Петр Петрович. – Пригрел я змею... Но ничего, не позволю

Опальные рассказы. Михаил Михайлович Зощенко zoschenko1hai1.ru
над собой насмеяться. Выслежу, морду набью, и разговор весь».

В субботу, 29 июля, Петр Петрович сказался больным. Лег на диван и следит за супругой. А та – ничего – хозяйством занимается. Но к вечеру говорит:

– Мне, – говорит, – Петр Петрович, нужно к мамаше сходить. У меня, – говорит, – мамаша опасно захворала. И сама нос пудрой, шляпку на затылок, – Я пошла.

Петр Петрович поскорей оделся, взял в левую руку палку, надел галоши – и следом за женой.

Пришел в Сад Трудящихся, воротничок поднял, чтоб не узнали, и ходит по дорожкам. Вдруг видит – у фонтана супруга сидит и в даль всматривается.

Подошел.

– А, – говорит, – здравствуйте. Любовника ожидаете? Так-с. Вам, – говорит, – Катерина Васильевна, морду набить мало...

Та в слезы.

– Ах, – говорит, – Петр Петрович, Петр Петрович! Не подумайте худого... Не хотела я вам говорить, но приходится...

И с этими словами вынимает она из рукава письмо.

А в письме, в печальных тонах, написано о том, что она, Катерина Васильевна, одна может спасти человека, который погибает и находится в жизни на краю пропасти. И этот человек умоляет притти Катерину Васильевну в Сад Трудящихся в субботу, 29 июля.

Прочел письмо Петр Петрович.

– Странно, – говорит, – Кто же это пишет?

– Я не знаю, – отвечает Катерина Васильевна. – Я пожалела и пришла.

– Так-с, – говорит Петр Петрович, – пришла. А ежели пришла, так и сиди и не двигайся. Я, – говорит, – за фонтан спрячусь. Посмотрю, что за фигура. Я, – говорит, – намну ему бока.

Спрятался Петр Петрович за фонтан и сидит. А супруга напротив – бледная и еле дышит. Час проходит – никого. Еще час – опять никого.

Вылезает тогда Петр Петрович из-за фонтана.

– Ну, – говорит, – не хнычьте, Катерина Васильевна. Тут, безусловно, кто-нибудь подшутил над нами. Идемте домой, что ли... Нагулялись... Не ваш ли братец-подлец подшутил?

Покачала головой Катерина Васильевна.

– Нет, – говорит, – тут что-нибудь серьезное. Может, неизвестный человек испугался вас и не подошел.

Плюнул Петр Петрович, взял жену под руку и пошел.

И вот приезжают супруги домой. А дома – разгром. Сундуки и комоды разворочены, утюги раскиданы, самоваров нет – грабеж. А на столе булавкой пришпилена записка:

«Вас, чертей собачьих, иначе никаким каком из дома не вытащить. Сидят, как сычи... А костюмчики твои, старый хрен, не по росту мне. Рост у тебя, старый хрен, паршивый и низенький. Это довольно подло с твоей стороны. А супруге твоей – наше нижайшее с кисточкой и с огурцом пятнадцать».

Прочли супруги записку, охнули, сели на пол и режут, что маленькие.

Американская реклама

Опальные рассказы. Михаил Михайлович Зощенко zoschenko1hai1.ru
Пошел тут один рабочий квартиру себе подыскать.

Ходил, ходил, похудел и поседел, сердечный, но квартиру все-таки нашел. По случаю.

Миленькая такая квартирка – кухня и при ней комната. В арендованном доме.

До чего обрадовался рабочий – сказать нельзя.

– Беру, – говорит, – гражданин-арендатель. Считайте за мной.

Арендатель говорит:

– Да, конечно дело, берите, ладно. Платите мне шестьдесят рублей въездных и берите, ладно. Такую квартиру за такую цену у меня всегда с руками и с ногами оторвут.

Рабочий говорит:

– Нету у меня, братишка, таких бешеных денег. Нельзя ли, дядя, вообще без въездных?

Ну, одним словом, не сошлись в цене. Очень расстроился от этого рабочий. Идет домой в сильных грустях и думает: «Прохвачу этого прохвоста в газете. Мыслимо ли дело такие деньги драть!»

И на другой день, действительно, появилась в газете за подписью рабкора обличительная заметка. Крепко так обложили арендателя. Это, говорят, паук, а не муха. Шесть червонцев драть за такую квартиру – это же прямо скучно. И откуда могут быть такие бешеные деньги у рабочего человека?

Словом – вот как обложили арендателя. И адрес указали. Чтоб в случае чего хвост могли накрутить ядовитому арендателю.

И, батюшки-светы, чего было в тот же день на этой вышеуказанной улице!

Очередь. Огромная, то есть, очередь образовалась. Давка. Галдеж. Все граждане стоят и в руках газеты держут. И пальцами в заметку тычут.

– Да это же, – говорят, – граждане, квартира! За шестьдесят рублей цельная квартира. Да мы очень свободно сто дадим в случае ежели чего.

В одном месте у ворот драка чуть не случилась. Хотели уж конную милицию требовать. Да в этот момент сам гражданин арендатель в окне показался. И ручкой реверанс сделал.

– Расходись, – кричит, – робя! Не стой понапрасну. Сдадена квартиренка.

– За сколько сдадена то? – спросили в толпе.

– За двести сдадена. Спрос очень огромный, нельзя, братцы, меньше.

– За двести! – ахнула толпа. – Да мы тебе дядя, очень свободно триста бы дали. Допусти только.

Арендатель с явным сожалением развел руками и отошел от окна.

Толпа понуро расходилась, помахивая газетами.

Мелкий случай

Конечно, случай этот мелкий, не мирового значения. Некоторые людишки очень даже свободно не поймут, в чем тут дело.

Нэпман, например, у которого, может, в каждом жилетном кармане серебро гремит, тоже навряд ли разберется в этом происшествии.

Зато поймет это дело простой рабочий человек, который не гребет деньги лопатой. Такой человек поймет и очень даже горячо посочувствует Василию Ивановичу.

Дело в том, что Василий Иванович купил билет в театр.

В день полочки Вася специально зашел в театр и, чтоб зря не растратиться, купил заблаговременно билет в 16-м ряду.

Человек давно мечтал провести вечер в культурном общезитии. И в силу этого целковый отдал, не моргнув глазом. Только языком чуть щелкнул, когда кассир монету загребал.

А к этому спектаклю Василий Иванович очень даже серьезно готовился. Помылся, побрился, галстук привязал.

Ох-ох, Василий Иванович, Василий Иванович! Чувствовало ли твое благородное сердце житейский подвох? Предвидел ли ты все мелочи жизни? Не дрогнула ли у тебя стальная рука, привязывая галстук? Ох-ох, грустные дела, скучные дела происходят на свете!

А в день спектакля Василий Иванович в очень радостно-веселом настроении пошел в театр.

«Другие, – думает, – людишки, нет на них погибели, в пивные ходят, или в пьяном угаре морды об тумбу друг другу разбивают. А тут идешь себе в театр. С билетом. Тепло, уютно, интеллигентно. И цена за все – рубль».

Пришел Василий Иванович в театр минут за двадцать.

«Пока, – думает, – то да се, пока разденусь да схожу оправиться, да галстук потуже привяжу – оно в аккурат и будет».

Начал наш милый товарищ Василий Иванович раздеваться, глядит на стене объявление – 20 копеек с персоны за раздеванье.

Екнуло у Василия Ивановича сердце.

«Нету, – думает, – у меня таких денег. За билет, да, действительно сполна уплачено. А больше, нету. Копеек восемь, должно быть, набежит. Если, – думает, – за эту сумму не пристрою одежду, то худо. Придется в пальто и галошах переть и на шапке сидеть».

Разделся наш сердечный друг Василий Иванович. Подает одежду с галошами за барьер.

– Извини, – говорит, – дядя, мелких мало. Прими в руку что есть, не считая.

А при вешалке, как раз наоборот, попался человек циничный. Он сразу пересчитал мелкие.

– Ты, – говорит, – что ж это, собачья кровь, шесть копеек мне в руку кладешь? Я, – говорит, – за это могу тебя галошей по морде ударить.

Тут сразу между ними ссора произошла. Крик.

Вешальщик орет:

– Да мне, может, за эти мелкие противно за твоими галошами ухаживать. Отойти от моей вешалки, не то я за себя не ручаюсь.

Василий Иванович говорит:

– Ты, зараза, не ори на меня. Не подрывай авторитета в глазах буржуазии. Прими одежду, как есть, я тебе завтра занесу остатние.

Вешальщик говорит:

– Ты меня буржуями не страшай. Я, – говорит, – не испугался. Отойти от моей вешалки на пушечный выстрел, арапская твоя личность.

Тут, конечно, другие вешальщики начали обсуждать эпизод. Дискуссия у них

Опальные рассказы. Михаил Михайлович Зощенко zoschenko1hai1.ru
поднялась, – дескать, можно ли шесть копеек в руку совать.

А время, конечно, идет. Последние зрители бегут в зал. Акт начинается.

Васин вешальщик орет за своим барьером:

– Пуцай, – говорит, – этот паразит в другой раз со своей вешалкой приходит.
Пуцай, – говорит, – сам вешает и сам сторожит.

Василий Иванович чуть не заплакал от обиды.

– Ах ты, – говорит, – старая морда, верзила-мученик. Да я, – говорит, – за эти выражения могу тебе всю бороду выдернуть.

Тут Василий Иванович поскорей надел пальто, положил галоши в шапку и бросился к дверям. Бросился к дверям – не пуцают в одеже.

– Братцы, – говорит Василий Иванович, – милые товарищи, билет же, глядите, вот у меня в руке... Оторвите от него корешок и пропустите.

Нет, не пускают.

Тут, действительно, Василий Иванович прямо заметался.

Спектакль идет. Музыка раздается. Билет в руке. И пройти нельзя.

Поскорее разделся Василий Иванович, завернул одежду в узел. Ткнулся с узлом в дверь – не дозволяют.

– Вы бы, – говорят, – еще перину с собой принесли.

А время идет. Музыка гремит. Антракт начинается.

Василий Иванович совершенно упал духом. Бросился до своего вешальщика.

– Ах ты, – говорит, – распродажная твоя личность! Глядите, какую харю наел, ухаживая за нэпом.

Еще немного – и произошла бы некрасивая стычка. Но, спасибо, другие вешальщики разняли.

Один старенький, наиболее добродушный вешальщик говорит Василию Ивановичу:

– Прямо, – говорит, – очень жалко на тебя глядеть, как ты расстраиваешься. Вешай ко мне задаром. Только, – говорит, – завтра, Христа ради, не позабудь принести.

Василий Иванович говорит:

– Чего мне теперь вешать, раз второе действие идет. Я, – говорит, – все равно теперь ни хрена не пойму. Я, – говорит, – не привык пьесы с конца глядеть.

Начал Василий Иванович продавать свой билет кому попало. С трудом продал за гривенник одному беспризорному. Плюнул в сторону своего вешальщика и вышел на улицу.

Бледнолицые братья

1. Идеальный организм

Есть еще идейные люди на белом свете. Не оскудела еще наша жизнь.

На праздниках я встретил одного честного борца против алкоголя. Этот человек сидел напротив меня за рождественским столом. Наружность у этого человека была угрюмая. Нос крупный, с красным отливом.

«Этот, – думаю, – не подкачает – самосильно наляжет на хозяйскую выпивку».

И вдруг вижу, братцы мои, оставляет этот человек свои рюмки и бокалы в сторону и решительно говорит:

Опальные рассказы. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
– Извиняюсь. Не пью. Мне, – говорит, – на эти стеклянные предметы смотреть худо. Я, – говорит, – недавно начал идейную борьбу против алкоголя.

Тут начались среди гостей охи и вздохи. Дескать, такое любопытное занятие отстранять от себя на праздниках! Можно ли?

Тогда, человек этот горько усмехнулся на эти реплики и начал отчитывать гостей и хозяев. Много острых и верных вещей сказал он.

– Люди, – говорит, – могут без этого веселиться. Довольно стыдно. Можно, – говорит, – вместо этого в картишки удариться и обыграть хозяина. Или, – говорит, – на худой конец можно погулять с хозяйкой этого дома. Но зачем же отравлять свой идейный организм такой отравой? Я, – говорит, – всю жизнь пил и закусывал, но теперь я стою за сухой закон. Пушай будут разные ограничения. Пушай продают полбутылки на брата. Пора за это взяться и обратить внимание. Довольно.

Я с радостью глядел на этого выдающегося человека. Его добродушная супруга сидела рядом со мной.

– Муж-то, – говорю ей, – у вас какой идейный супруг.

– Да, – говорит, – такая, знаете, обида напротив праздника! Врач ему совсем не дозволил пить: «Сердце, – говорит, – у вас не позволяет наклюкаться. Помереть можете».

К концу ужина идейный супруг все же до того назююкался, что дважды его выносили во двор, и там он освежался.

2. Квартира

В нашем доме произошла трагедия. Убийство. Муж из ревности убил свою молодую фактическую супругу и ее юридическую мамашу.

Не будем входить в психологию убийства, скажем одно, убийство произошло в небольшой уютной квартире – две комнаты и кухня. Бельэтаж. Уборная. Ванна. Десять квадратных саженей.

Народу собралось во двор этого дома уйма. Каждому, конечно, любопытно было узнать, кому теперь домоуправление передаст эту освободившуюся квартиру.

Уже увезли убийцу. Уже убитых отправили, куда следует, – толпа не расходилась.

Завязалась небольшая потасовка. Кто-то дико орал, что это прямо кумовство передавать эту площадь близким родственникам. Лучше пускай кинут жребий – кому достанется.

И вдруг, братцы мои, стало мне грустно на сердце. Стало мне до чего обидно.

Тут, можно сказать, такая трагедия и драма, с кровью и с убийством, и тут же, наряду с этим, такой мелкий коммерческий расчет.

«Эх, – думаю, – бледнолицые мои братья!» И долго стоял у ворот. И противно мне было принимать участие в этих грубых разговорах. Тем более, что на прошлой неделе я, по случаю, получил не очень худую квартиру. Смешно же опять менять и горячиться. Я доволен.

3. Юморист

На днях мне позвонили по телефону. Кто-то вежливым, мягким голосом спросил:

– Товарищ Зощенко?

– Да.

– Вот в чем дело. Мы производим опыты над усилителем. Большая просьба прочесть несколько строк из какого-нибудь вашего рассказа.

У меня была неотложная срочная работа. Мне очень не хотелось отрываться от дела. Но я человек мягкий. Я уважаю, кроме того, всякие новейшие изобретения. Я прочел

Опальные рассказы. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
в телефонную трубку несколько строчек.

– Прекрасно, – сказал вежливый голос – Благодарю вас. Звучность изумительная. Теперь мы попросим вас послушать нашу передачу. Будьте любезны, отойдите в самый дальний угол комнаты. И слушайте.

Я положил трубку на стол и отошел шагов на десять. Минуты две стоял дурак-дураком. Потом подошел.

– Ну, как?

– Ничего не слышал.

– Тогда отойдите шагов на пять и присядьте так, чтобы ваше ухо было на одной линии с трубкой.

Я отошел и присел.

– Ну, как?

– Ей-богу, я решительно ничего не слышу! – сказал я сердитым голосом.

– Тогда, – сказал мой собеседник, смеясь, – повесьте трубку и ложитесь спать.

Человек смеялся весело, от души, захлебываясь и хрюкая в телефон.

Да, действительно, я был очень взбешен. Я чуть не оторвал телефонную трубку. Еще бы – десять минут меня дурачил какой-то прохвост. Даже заставлял приседать.

Потом я успокоился. Даже усмехнулся.

В чем дело? Все обстоит прекрасно. Можно записать сюжет. Можно сделать небольшой юмористический рассказ на актуальную тему – телефонные хулиганы. Двадцать рублей я честно заработал на этом поганом деле.

В каждой собачьей ерунде есть свои хорошие стороны.

4. Скупой рыцарь

Год назад в одно почтенное издательское учреждение я три месяца подряд ходил за деньгами.

Заведующий отделом человек был милый, симпатичный. Всякий раз он справлялся о моем драгоценном здоровье, интересовался работой. И всегда очень сочувствовал и входил в положение. Однако денег не платил.

Примерно, зайдешь к нему числа десятого. Разведет руками, грустно улыбнется.

– Ай, – говорит, – ну, можно ли в такие несуразные числа заходить. Десятое число! А мне, может, пятнадцатого рабочим и служащим платить. Сами посудите.

Ну, сообразишь, что десятое число, действительно, несколько неудобное число для платежей, – уйдешь.

Приходишь числа двадцатого.

– Ну, что вы, – говорит, – делаете? Только что недавно рабочим и служащим заплатил. Ну, откуда я вам возьму? Сами посудите.

Два месяца я терпеливо поднимался на пятый этаж. В начале третьего месяца я стал слегка наседать и требовать.

Заведующий ерзал на стуле, грустно разводил руками, но денег не платил.

Я знаю – деньги платить занятие скучное, малоприбыльное. Сплошной, можно сказать, коммерческий расход. В трубу можно свободно полететь, ежели всем платить. Однако, мне было все равно. Я с энергичной настойчивостью вел свою линию.

Опальные рассказы. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
Заведующий, видимо, начал страдать от моих посещений. Он избегал моего взгляда. Молча разводил руками. И углублялся в свои бумаги.

Однажды, когда у заведующего сидел какой-то посетитель, я начал грозить. Я сказал:

– Либо платите сейчас, либо я сам не знаю, что сейчас сделаю.

В голосе моем появились истерические нотки и вообще некоторое повизгиванье.

Вдруг я услышал всхлипывание. Я с испугом посмотрел на заведующего. Закрыв глаза рукой, он плакал, не стесняясь присутствия посетителя. Я мысленно обругал себя скотиной и выбежал из кабинета. Мне было ужасно стыдно и неловко.

Так довести человека. Экая я чортова свинья! Ну, действительно, ну, откуда ему взять денег, если у него, может, нету? Ах, такая гнусность! Надо извиниться. Скажу: согласен ждать, сколько понадобится.

Я снова пошел в кабинет.

Заведующий, откинувшись на спинку кресла, тихонько смеялся. Его усы и подбородок дрожали от смеха.

Я услышал, как он говорил своему собеседнику:

– Ну, что я могу сделать? Пристают, докучают. Мешают работать. Ну, откуда я всем возьму? Приходится, знаете, прибегать к этой невинной хитрости. Это действует. Они народ впечатлительный.

Я подошел к столу и тяжелым голосом потребовал немедленной уплаты. Заведующий, не глядя на мое лицо, написал на моем заявлении – уплатить завтра.

Назавтра я деньги получил.

Этот случай – подлинная правда. Я давно уже перестал фантазией разбавлять свои рассказы.

5. Обезьяний язык

Трудный это русский язык, дорогие граждане! Беда какой трудный!

Главная причина в том, что иностранных слов в нем до чорта. Ну, взять французскую речь. Все хорошо и понятно. Кескесе, мерси, комси – все, обратите ваше внимание, чисто французские, натуральные, понятные слова.

А нуте-ка, сунься теперь с русской фразой – беда. Вся речь пересыпана словами с иностранным, туманным значением.

От этого затрудняется речь, нарушается дыхание и треплются нервы.

Я вот на днях слышал разговор. На собрании было. Соседи мои разговорились. Очень умный и интеллигентный разговор был, но я, человек без высшего образования, понимал ихний разговор с трудом и хлопал ушами.

Началось дело с пустяков. Мой сосед, не старый еще мужчина с бородой, наклонился к своему соседу слева и вежливо спросил:

– А что, товарищ, это заседание пленарное будет, али как?

– Пленарное, – небрежно ответил сосед.

– Ишь ты, – удивился первый, – то-то я и гляжу, что такое? – как будто оно и пленарное.

– Да уж – будьте покойны, – строго ответил второй. – Сегодня сильно пленарное, и кворум такой подобрался – только держись.

– Да ну? – спросил сосед. – Неужели и кворум подобрался?

Опальные рассказы. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

– Ей-богу. – сказал второй.

– И что же он, кворум-то этот?

– Да ничего, – ответил сосед, несколько растерявшись. – Подобрался и все тут.

– Скажи на милость, – с огорчением покачал головой первый сосед. – С чего бы это он, а?

Второй сосед развел руками и строго посмотрел на собеседника, потом добавил с мягкой улыбкой:

– Вот вы, товарищ, небось, не одобряете эти пленарные заседания? А мне как-то они ближе. Все как-то, знаете ли, выходит в них минимально по существу дня. Хотя я, прямо скажу, последнее время отношусь довольно перманентно к этим собраниям. Так, знаете ли, индустрия из пустого в порожнее.

– Не всегда это, – возразил первый. – Если, конечно, посмотреть с точки зрения. Вступить, так сказать, на точку зрения и отседа, с точки зрения, то да – индустрия конкретно.

– Конкретно фактически, – строго поправил второй.

– Пожалуй, – согласился собеседник. – Это я тоже допускаю. Конкретно фактически. Хотя как когда...

– Всегда, – коротко отрезал второй. – Всегда, уважаемый товарищ. Особенно, если после речей подсеция заварится минимально. Дискуссии и крику тогда не оберешься.

На трибуну взошел человек и махнул рукой. Все смолкло. Только соседи мои, несколько разгоряченные спором, не сразу замолчали. Первый сосед никак не мог помириться с тем, что подсеция заваривается минимально. Ему казалось, что подсеция заваривается несколько иначе.

На соседей моих зашикали. Соседи пожали плечами и смолкли. Потом первый сосед наклонился ко второму и тихо спросил:

– Это кто ж там такой вышедши.

– Это? Да это президиум вышедши. Очень острый мужчина. И оратор первейший. Завсегда остро говорит по существу дня.

Оратор простер руки вперед и начал речь.

И когда он произносил надменные слова с иностранным, туманным значением, соседи мои сурово кивали головами. Причем второй сосед строго поглядывал на первого, желая показать, что он все же был прав в только что законченном споре.

Трудно, товарищи, говорить по-русски!

Каторга

То есть каторжный труд – велосипеды теперь иметь. Действительно верно, громадное через них удовольствие, физическое развлечение и все такое. На собак, опять же можно наехать. Или куренка попугать.

Но только, несмотря на это, от велосипеда я отказываюсь. Я тяжело захворал через свою машину, через свой этот аппарат.

Я надорвался. И теперь лечусь амбулаторно. Грыжа у меня открылась. Я теперь, может быть, инвалид. Собственная машина меня уела.

Действительно, положение такое – на две минуты машину невозможно без себя оставить – упрут. Ну, и приходилось в силу этого машину на себе носить в свободное от катанья время. На плечах.

Бывало, в магазин с машиной заходишь – публику за прилавок колесьями загоняешь. Или к знакомым в разные этажи поднимаешься. По делам. Или к родственникам.

Да и у родственников тоже сидишь – за руль держишься. Мало ли какое настроение у родственников. Я не знаю. В чужую личность не влезешь. Отвертят заднее колесо или внутреннюю шину вынут. А после скажут: так и было.

В общем, тяжело приходилось. Неизвестно даже, кто на ком больше ездил. Я на велосипеде или он на мне.

Конечно, некоторые довоенные велосипедисты пробовали оставлять на улице велосипеды. Замыкали на все запоры. Однако, не достигало – угоняли. Ну, и приходилось считаться с мировоззрением остальных граждан. Приходилось носить машину на себе.

Конечно, человеку со здоровой психикой не составляет труда понести на себе машину. Но тут обстоятельства для меня сложились неаккуратно. А понадобился мне в срочном порядке целковый. На пропой души.

«Надо, – думаю, – где-нибудь забодать».

Благо машина есть – сел и поехал. Заехал к одному приятелю – дома нету. Заехал к другому – денег дома нету, а приятель дома. А один приятель хотя проживает в третьем этаже, зато другой в седьмом. Туда и назад с машиной смотался – и язык высунул.

После того поехал к родственнице. На Симбирскую улицу. К родной тетке. А она, зануда, на шестом этаже живет. Поднялся со своим аппаратом на шестой этаж. Смотрю, на дверях записка. Дескать, приду через полчаса.

«Шляется, – думаю, – старая кочерыжка».

Ужасно я расстроился и сгоряча вниз сошел. Мне бы с машиной наверху обождать, а я сошел от расстройства чувств. Стал внизу тетку ждать.

Вскоре она приходит и обижается на меня, зачем я с ней наверх итти не хочу.

– У меня, – говорит, – с собою около гривенника. Остальные деньги на квартире.

Взял я машину на плечо, пошел за теткой. И чувствую, икота поднимается, и язык наружу вылезает. Однако, дошел. Получил деньги сполна. Пошамал для подкрепления организма. Накачал шину и вниз сошел.

Только дошел донизу – гляжу, парадная дверь закрыта. У них в семь часов закрывается.

Ничего я тогда не сказал, только ужасно заскрипел зубами, надел на себя велосипед и стал опять подниматься. Сколько времени я поднимался – не помню. Шел, прямо, как сквозь сон.

Начала меня тетка выпускать с черного хода. Сама, зануда, смеется.

– Ты бы, – говорит, – машину наверху оставлял, если внизу боишься.

После перестала смеяться – видит ужасная бледность разлилась по моему лицу. А я, действительно, держусь за руль и качаюсь. Однако, вышел на улицу. Но ехать от слабости не мог. А теперь обнаружили последствия – хвораю через эту каторгу.

Утешаюсь только тем, что мотоциклистам еще хуже. Вот, небось, переживают!

И хорошо еще, что у нас небоскребов не удосужились построить. Сколько бы народу полегло!

Встреча

Скажу вам откровенно: я очень люблю людей.

Другие, знаете ли, на собак растрачивают свои симпатии. Купают их и на цепочках водят. А мне как-то человек милее.

Однако, не могу соврать: при всей своей горячей любви не видел бескорыстных

Опальные рассказы. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
людей.

Один, было, парнишка светлой личностью промелькнул в моей жизни. Да и то сейчас насчет него нахожусь в тяжелом раздумье. Не могу решить, чего он тогда думал. Пес его знает – какие у него были мысли, когда он делал свое бескорыстное дело.

А шел я, знаете, из Ялты в Алупку. Пешком. По шоссе. Я в этом году в Крыму был. В доме отдыха.

Так иду я пешком. Любуюсь крымской природой. Налево, конечно, синее море. Корабли плавают. Направо – чертовские горы. Орлы порхают. Красота, можно сказать, неземная.

Одно худо – невозможно жарко. Через эту жару даже красота на ум нейдет. Отворачиваешься от панорамы. И пыль на зубах скрипит.

Семь верст прошел и язык высунул. А до Алупки еще чорт знает сколько. Может, верст десять. Прямо не рад, что и вышел.

Прошел еще версту. Запарился. Присел на дорогу. Сижусь. Отдыхаю. И вижу – позади меня человек идет. Шагов, может, за пятьсот.

А кругом, конечно, пустынно. Ни души. Орлы летают.

Худого я тогда ничего не подумал. Но все-таки, при всей своей любви к людям, не люблю с ними встречаться в пустынном месте. Мало ли чего бывает. Соблазну много.

Встал и пошел. Немного прошел, обернулся – идет человек за мной. Тогда я пошел быстрее, – он как будто бы тоже поднажал.

Иду, на крымскую природу не гляжу. Только бы, думаю, живьем до Алупки дойти. Оборачиваюсь. Гляжу – он рукой мне машет. Я ему тоже махнул рукой. Дескать, отстань, сделай милость.

Слышу, кричит чего-то. Вот, думаю, сволочь, привязался! Ходко пошел вперед. Слышу опять кричит. И бежит сзади меня.

Несмотря на усталость, я тоже побежал. Пробежал немного – задыхаюсь.

Слышу кричит:

– Стой! Стой! Товарищ!

Прислонился я к скале. Стою.

Подбегает до меня небогато одетый человек. В сандалиях. И вместо рубашки – сетка.

– Чего вам, говорю, надо?

– Ничего, – говорит, – не надо. А вижу – не туда идете. Вы в Алупку?

– В Алупку.

– Тогда, – говорит, – вам по шаше не надо. По шаше громадный крюк даете. Туристы тут всегда путаются. А тут по тропке надо идти. Версты четыре выгоды. И тени много.

– Да нет, – говорю, – мерси-спасибо. Я уж по шоссе пойду.

– Ну, – говорит, – как хотите. А я по тропинке.

Повернулся и пошел назад. После говорит:

– Нет ли папироски, товарищ? Курить охота.

Дал я ему папироску. И сразу как-то мы с ним познакомились и подружились. И пошли вместе. По тропинке.

Очень симпатичный человек оказался. Пищевик. Всю дорогу он надо мной смеялся.

– Прямо, – говорит, – тяжело было на вас глядеть. Идет не туда. Дай, думаю, скажу. А вы бежите. Чего-ж вы бежали?

– Да, – говорю, – чего не пробежать.

Незаметно, по тенистой тропинке пришли мы в Алупку и здесь распрощались.

Весь цельный вечер я думал насчет этого пищевика.

Человек бежал, задыхался, сандалии трепал. И для чего? Чтобы сказать куда мне надо итти. Это было очень благородно с его стороны.

Я теперь, вернувшись в Ленинград, думаю: пес его знает, а может, ему курить сильно захотелось? Может, он хотел папироску у меня стрелкнуть. Вот и бежал. Или, может, итти ему было скучно – попутчика искал.

Так и не знаю.

Последнее рождество
Давненько я не праздновал Рождества.

В последний раз это было лет семь назад. Перед самым Рождеством выехал я к своим родным в Петроград. Мне не повезло: на какой-то пустяковой станции пришлось ночевать. Поезд опаздывал часов на двенадцать. А станция была, действительно, пустяковая – не было даже буфета.

Сторож, впрочем, хвалился, что буфет «обнакновенно есть, но покеда», по случаю праздников – нет. Утешение было среднее.

На этой станции нас, горемычных путников, было человек двенадцать. Тут был и какой-то купец-рыбник с бородой, два студента, и какая-то женщина в старомодной ротонде, с двумя чемоданами, и прочий неизвестный мне люд.

Все покорно сидели за столом в маленькой зальце, и только в купце бушевала злоба. Он вскакивал из-за стола, бежал в дежурную, и нам было слышно, как голос его злобно повизгивал и повышался. Кто-то из начальства отвечал спокойно:

– Не могу знать... В восемь утра... Не раньше.

Среди пассажиров был еще очень опрятного вида старичок в шубке и в высокой меховой шапке. Сначала старичок, добродушно посмеиваясь, утешал пассажиров, ласково глядя им в глаза, потом принялся подпевать тихим козлиным тенорком: «Рождество твое, Христе боже наш».

Это был старичок совершенно набожного вида. Добродушие и кротость были заметны во всяком его движении. Он сидел на стуле и, покачиваясь в такт, пел «Рождество твое». Но вдруг сорвался со стула и исчез со станции... Через несколько минут он вернулся, держа в руке еловый сучок.

– Вот! – сказал старичок с восторгом, подходя к столу. – Вот, милостивые государи, и у нас елка.

И старичок принялся втыкать елку в графин, тихо подпевая: «Рождество твое, Христе боже наш».

– Вот, милостивые государи, – снова сказал старичок, несколько отходя от стола и любясь своей работой. – В этот торжественный день, по чьим-то грехам, вынуждены мы тут сидеть яко благ, яко наг...

Пассажиры с неудовольствием и раздражением смотрели на суетливую фигурку старика.

– Да, – продолжал старичок, – по чьим-то грехам... Православные христиане, этот торжественный день мы, конечно, привыкли проводить среди своих друзей и приятелей. Мы привыкли смотреть, как наши маленькие детки прыгают в неопишемом

Опальные рассказы. Михаил Михайлович Зощенко zoschenko1.ru
восторге вокруг рождественской елки... Нам нравится, милостивые государи, по
человеческим слабостям, откусать в этот день и ветчинки с зеленым горошком, и
кружок-другой колбасы, и ломтик гуся, и рюмашечку чего-нибудь этого...

– Тьфу! – сказал рыботорговец, с омерзением глядя на старичка.

Пассажиры задвигались на стульях.

– Да, милостивые государи, – продолжал старичок тончайшим голосом, – привыкли мы
проводить этот день в торжестве, но если нет, то не пойдешь против бога...
Говорят, тут неподалеку существует церковка... Пойду я туда. Пойду, милостивые
государи, пролью слезу и поставлю свечечку...

– Послушайте, – сказал торговец, – а может, тут чем разжиться можно? Может, в
самом деле, тут этово... ветчинки раздобыть можно? Ежели расспросить.

– Полагаю, что можно, – сказал старичок, – за деньги, милостивые государи, все
можно. Ежели собраться...

Купец вынул бумажник и, хлопнув об стол, стал отсчитывать. Пассажиры с радостью
заворочались на стульях, вытаскивая свои деньги.

Через несколько минут, подсчитав собранные деньги, старичок с восторгом объявил,
что хватит за глаза и на еду и на питье и на прочее.

– Только вы недолго, – сказал торговец.

– Поставлю свечечку, – сказал старичок, – пролью слезу, расспрошу у православных
христиан, где купить, и назад... За кого, милостивые государи, поставить свечечку?

– Поставьте за меня, – сказала женщина в ротонде, роясь в кошельке и протягивая
деньги.

Денег от нее старичок не взял.

– Нет, сударыня, – сказал он, – позвольте уж мне из своих скромных средств
сделать христианское дело. За кого еще?

– Ну и за меня тогда, – сказал купец, пряча свой бумажник.

Старичок кивнул головой и вышел. «Рождество твое, Христе боже наш», – услышали
мы его голос.

– Какой божественный старичок! – сказал торговец.

– Удивительный старичок, – поддержал кто-то.

И пассажиры с восторгом стали рассуждать о старичке.

Прошел час. Потом два. Потом часы пробили пять. Старичок не шел. В семь часов
утра его тоже не было. Половина восьмого – подали поезд, и пассажиры бросились
занимать места.

Поезд тронулся.

Было еще темновато. Вдруг мне показалось, что за углом станции мелькнула
знакомая фигура старичка.

Я бросился к окну. Старичок скрылся.

Я вышел на площадку – и вдруг явственно услышал знакомый козлиный тенорок:
«Рождество твое, Христе боже наш».

Это было мое последнее Рождество. Сейчас к религии я отношусь как-то
скептически.

Честный гражданин
(письмо в милицию)

Состоя, конечно, на платформе, сообщаю, что квартира № 10 подозрительна в смысле самогона, который, вероятно, варит гражданка Гусева и дерет окромя того с трудящихся три шкуры. А когда, например, нетути денег или вообще нехватка хушь бы одной копейки, то в долг нипочем не доверяет. И еще, не считаясь, что ты есть свободный обыватель, пихают в спину.

А еще сообщаю, как я есть честный гражданин, что квартира № 3 тоже, без сомнения, подозрительна по самогону, в какой вкладывают для скусу, что ли, опенки, или, может быть, пельсннные корки, отчего блюешь сверх нормы. А в долг, конечно, тоже не доверяют. Хушь плачь!

А сама вредная гражданка заставляет ждать потребителя на кухне и в помещение, чисто ли варят, не впускает. А в кухне ихняя собачонка, системы пудель, набрасывается на потребителя и рвет ноги, та пудель, холера ей в бок, и мене ухватила за ноги. А когда я размахнулся посудой, чтоб эту пудель, конечно, ударить, то хозяйка тую посуду вырвала у меня из рук и кричит:

– На, – говорит, – идол, обратно деньги. Не будет тебе товару, ежели ты бессловесную животную посудой мучаешь.

А я, если на то пошло, эту пудель не мучил, а размахивался посудой.

– Что вы, – говорю, – вредная гражданка! Я, – говорю, – не трогал вашу пудель. Возьмите свои слова обратно. Я говорю: недопустимо, чтоб пудель рвал ноги.

А гражданка выкинула мне деньги взад, каковые и упали у плите. Деньги лежат у плите, а ихняя пудель насуслила их и не подпускает. Хушь плачь. Тогда я, действительно, не отрицаю, пихнул животную ногой и схватил деньги, среди каковых один рубль насуслил и противно взять в руки, а с другого объедин номер, и госбанк не принимает. Хушь плачь.

Тогда я обратно, не отрицаю, пихнул пудель в грудку и поскорее вышел.

А теперича эта вредная гражданка меня в квартиру к себе не впускает, и дверь все время, и когда ни сунься, на цепке содержит. И еще, стерва, плюется через отверстие, если я, например, подошедши. А когда я на плевки ихние размахнулся, чтоб тоже по роже съездить или по чем попало, то она, с перепугу, что ли, дверь поскорее хлопнула и руку мне прищемила по локоть.

Я ору благим матом и кручусь перед дверью, а ихняя пудель заливается изнутри. Даже до слез обидно. О чем имею врачебную записку, и, окромя того, кровь и теперя текеть, если, например, ежедневно сдирать болячки.

А еще, окромя этих подозрительных квартир, сообщаю, что трактир «Веселая Долина» тоже, без сомнения, подозрителен. Там меня ударили по морде и запытали в угол.

– Плати, – говорят, – собачье жало, за разбитую стопку.

А я ихнюю стопку не бил, и, вообще, очень-то нужно мне бить ихние стопки.

– Я, – говорю, – не бил стопку. Допустите, – говорю, – докушать бутерброть, граждане.

А они меня тащат и тащат и к бутербротю не подпускают. Дотащили до дверей и кинули. А бутерброть лежит на столе. Хушь плачь.

А еще, как честный гражданин, сообщаю, что девица Варька Петрова есть подозрительная и гулящая. А когда я к Варьке подошедши, так она мной гнушается.

Каковых вышеуказанных лиц можете арестовать или как хотите.

Теперича еще сообщаю, что заявление мной проверено, как я есть на платформе и против долой дурман, хоша и уволен по сокращению за правду.

А еще прошу, чтоб трактир «Веселую Долину» пока чтоб не закрывали. Как я есть еще больной и не могу двинуться. А вскоре, без сомнения, поправлюсь и двинусь. Бутерброть тоже денег стоит.

Вор

Был Васька Тяпкин по профессии карманник. В трамваях все больше орудовал.

А только не завидуйте ему, читатель, – ничего не стоящая это профессия. В один карман влезешь – дерьмо – зажигалка, может быть; в другой влезешь – опять дерьмо – платок или, например, папирос десяток или, скажем еще того чище – счет за электрическую энергию. Так, баловство, а не профессия.

А которые поценнее вещи – бумажник там или часы, что ли – дудки. Неизвестно, где нынче содержат пассажиры это. А и подлый же до чего народ пошел! Гляди в оба, как бы из твоего кармана чего не стырили. И стырят. Очень просто. На кондукторшину сумку, скажем, засмотрелся – и баста – стырили уж. Елки-палки...

Ну, а что касается ценностей, то не иначе, как пассажиры по подлости своей на груди их носят или на животе, что ли. Места эти, между прочим, нежные, щекотки нипочем не выносят. Пальцем едва колупнешь – крики: ограбили, дескать. Смотреть противно.

Эх, ничего не стоящая профессия!

Оптик один полупочтенный из налетчиков посоветовал Ваське Тяпкину от чистого сердца переменить профессию. Переменить, то есть, специальность.

– Время, – говорит, – нынче летнее. Поезжай-ка, – говорит, – братишка, в дачные окрестности. Облюбуй какую-нибудь дачу и крой после. И, между прочим, воздухом дыши. Ваш брат тоже туберкулезом захворать может. Очень просто.

«Это верно, – подумал Васька, – работаешь ровно слон, а ни тебе спасибо, ни тебе благодарности. Поеду-ка я и в самом деле в дачные окрестности. Воздух все-таки, и работа иная. Да и запарился я – туберкулезом захворать можно».

Так Васька и сделал. Поехал в Парголово.

Походил по шоссе, походил по улицам – воздух, действительно, великолепный, дачный, слов нет, а разжиться нечем. И жрать к тому же на воздухе приспичило, только давай, давай – будто дыра в пузе – съел, а еще просится.

Стал Васька дачу облюбовывать. Видит, стоит одна дача жилая и на взгляд превосходная. На заборе заявление: медик Корюшкин, по женским болезням.

«Ежели медик, – думает Васька, – тем лучше. Медики эти завсегда серебро в буфете держат».

На сегодня залег Васька в кусты, что у медика в саду за клумбами, стал следить, что вокруг делается. А делается: нянька в сад с пятилетним буржуйчиком гулять вышла. Нянька гуляет на припеке, а парнишка по саду мечется, в игры играет. Игр этих у него до дьявола: куклы, маховички разные заводные, паровозики. А одна игра совсем любопытная – волчок, что ли. Заводом заведешь его – гудит это ужасно как, и сам по земле, что карусель, крутится.

И до того Ваську эта игра заинтриговала, что едва он из кустов не выпал. Сдержался только.

«Неполным заводом, – думает, – они, идола, крутят. Ежели бы полным заводом, – вот понес бы шибко».

А нянька распарилась на припеке, лень ей, видите ли, крутить.

– Крути, крути сполна, – шепчет про себя Васька. – Крути, дурра такая... Сук тебе в нос...

Ушла нянька с парнишкой. Вышел и Васька из кустов. Пошел во двор, посмотрел, что и как. Каждую мелочь знать все-таки нужно: где труба, а где, вообще, и кухня. После в кухню заявился. Услуги свои предложил. Отказали.

– Катись, – говорят, – сопнешь еще что. По роже видно.

Опальные рассказы. Михаил Михайлович Зощенко zoschenko1hai1.ru
А ведь верно: угадали, елки-палки, – спер Васька топор на обратном ходу. Ну, да не говори под руку...

На завтра Васька опять в кусты. Лежит, соображает, как начать.

«Лезть надо, – думает, – в окно. В столовую. Ежели окно на сегодня закрыто – не беда. Обожду. Завтра, может быть, забудут закрыть. Надо мной не каплет».

Всякую ночь подходил Васька к дому, трогал окно – не поддастся ли.

Через неделю поддалось – закрыть забыли.

Скинул Васька пиджачок для легкости, успокоил в животе бурчанье и полез.

«Налево, – думает, – стол, направо буфет. Серебро в буфете».

Влез Васька в комнату – темно. Ночь хотя и светлая, а в чужих апартаментах трудно разобраться. Пошарил Васька руками – буфет, что ли.

Открыл ящик. Пустяки в ящике – дерьмо – игрушки детские. Тьфу ты, бес. Действительно: куклы, маховички...

«Эх, елки-палки! – подумал Васька. – Не туда, честное слово, залез. Не иначе, как в детскую комнату я залез. Елки-палки».

Руки опустил даже Васька. Хотел было в соседнюю комнату итти – страшно. С расположения сбился. К медику еще влезешь – ланцетом по привычке чикнет.

«Эх, – думает, – елки-палки. Соберу хоть игрушки. Игрушки, между прочим, тоже денег стоят».

Стал Васька выкладывать из ящика игрушки – волчок в руки попал. Тот самый, что в саду пускали давеча.

Улыбнулся Васька.

«Тот самый, – думает, – пушу, ей-богу, после. Обязательно. Заведу на полный ход. А сейчас поторопиться нужно, товарищи».

Стал Васька торопиться, рассыпал что-то, зазвенело на полу.

Только смотрит – на кровати парнишка зашевелился. Встал. Пошел к нему босенький. Оробел сначала Васька.

– Спи! – сказал. – Спи, елки-палки.

– Не трогай! – закричал мальчик. – Не трогай игрушки.

«Ах, ты, – думает Васька, – засыпаться так можно».

А мальчик орет, плакать начинает.

– Спи, шибздик! – сказал Васька. – Раздавлю, как вошку.

– Не трогай. Мои игрушки...

– Врешь, – сказал Васька, пихая в мешок игрушки, – были это, точно, твои, а теперь ищи-свищи.

– Чего?

– Ищи, говорю, свищи.

Выкинул Васька мешок за окно и сам прыгнул. Да неловко прыгнул – грудь зашиб.

«Эх, – подумал, – елки-палки, так и туберкулезом захворать можно».

Присел Васька на клумбу, потер грудь, отдышался.

«Бежать, – думает, – скорее нужно».

Вскинул мешок на плечи, хотел бежать, про волчок вдруг вспомнил.

– Стоп! – сказал Васька. – Где волчок? Не забыл ли я волчок? Елки-палки.

Пощупал мешок – здесь. Вынул Васька волчок. Пустить охота, не терпится.

«А ну, – думает, – попробую, заведу».

Закрутил он на полный ход, пустил. Гудит полчок, качается. Засмеялся Васька. Прилег на землю от смеха.

«Вот, – думает, – когда полным ходом дует. Елки-палки».

Еще не докрутился волчок, как закричали вдруг в доме:

– Вор... Держи вора!

Вскочил Васька, хотел бежать – бряк по голове кто-то. Да не шибко ударили. Неопытно. Рухнул хотя Васька на землю, но вскочил после.

«Палкой, – думает, – ударили, что ли. Палкой, наверное, или смоляной веревкой».

Побежал Васька, закрывши рукой голову. Пробежал версту, вспомнил: пиджак забыл. Чуть не заплакал с досады Васька. Присел в канаву.

«Эх, – думает, – елки-палки. Переменить профессию надо. Ничего не стоящая профессия, хуже первой. Последнего, скажем, пиджачка лишился. Поступлю-ка я в налетчики. Елки-палки».

И пошел Васька в город.

Гришка Жиган

Поймали Гришку жигана на базаре, когда он Старостину лошадь купчику уторговывал.

Ходил Гришка вокруг лошади и купцу подмигивал.

– Конь-то каков, господин купчик! Королевский конь. Лучше бы мне с голоду околеть, чем такого коня запродать. Ей-богу, моя правда. Ну, а тут вижу – человек хороший. Хорошему человеку и продать не стыдно. Особенно если купчику благородному.

Купец смотрел на Гришкину лошадь недоверчиво. Лошадь была мужицкая – росту маленького и сама пузатая.

– А зубы-то... Зубы-то, господин купчик, каковы! Ведь это же, взгляните, королевские зубы.

Гришка приседал на корячки, ходил вокруг лошади без всякой на то нужды, даже наземь ложился под брюхо лошади. И хвалил брюхо.

А купчик медлил и спрашивал:

– Ну, а она, боже сохрани, не краденая?

– Краденая? – обижался Гришка. – Эта-то лошадь краденая? У краденой лошади, господин купчик, взор не такой. Краденая лошадь завсегда глазом косит. А тут, обратите внимание, какой взор. Чистый, королевский взор. И масть у ней королевская.

– Да ты много не рассусоливай, – сказал купчик. – Ежели она есть краденая, так ты мне и скажи: краденая, мол, лошадь. А то ходит тут, говорят – вор и конокрад, Гришка Жиган. Так уж не ты ли это и будешь. А? Как звать-то тебя?

– Это меня-то? Гришей меня зовут. Это точно. Да только, господин купчик, я воровством имя такое позорить не буду. На это я никогда не соглашусь... А зовут,

Опальные рассказы. Михаил Михайлович Зощенко zoschenko1hai1.ru
да, Гришей зовут. Могу и пачпорт вам показать... Ну, что же, берете коня-то?
Королевский конь. Ей-богу, моя правда.

А в это время мужички со старостой во главе подошли к базару.

– Вот он, – тонко завыл староста, – вот он, собачий хвост, вор и конокрад –
Гришка Жиган. Бейте его, людишки добрые!

Стоит Гришка и бежать не думает, только лицом слегка посерел. Знает, бежать
нельзя. Поймают и сразу бить будут. А сгоряча бьют до смерти.

Опешили мужики. Как же так – вор, а не бежит и даже из рук не рвется.
Потоптались на месте, насели на Гришку и руки ему вожжей скрутили. А в городе
бить человека неловко.

– Волоките его за город, – сказал староста, – покажем ему вору, сукиному сыну,
как чужих коней уворовывать.

Повели Гришку за город. Прошли с полверсты.

– Буде! – остановился Фома Хромой. И пиджак скинул.

– Начнем, братишки.

Видит Гришка, дело его плохое: бить сейчас будут. А вора-конокрада бьют мужички
до смерти – такой закон.

– Братцы, – сказал Гришка, – а чья земля эта будет? Земля-то ведь эта казенная
будет. Нельзя здесь меня бить. Такого и закону нет, чтоб на казенной земле
человека били. К вам до суда дело, и мне вред.

Староста согласился.

– Это он верно. Затаскает судья, если, например, до смерти убьем человека.
Волокнем его, братишки, на село. Там и концы в воду.

Повели Гришку на село.

– Братцы, – тихо спросил Гришка, – за что бить-то будете? Под суд меня вора и
конокрада надобно. Суд дело разберет. Да только каждый суд оправдает меня. Любой
суд на лошадь взглянет и оправдает. Скверная лошаденка, шут с ней совсем. От нее
и радости-то никакой нет.

– Да что ж это он, – удивился староста, – что ж это он, православные, лошадь-то
мою хаает? Этакая чудная лошадь, а он хаает... Ты что ж это, хвост собачий, лошадь
мою хаешь?

– Ей-богу, моя правда, – сказал Гришка. – Поступь у ней, посмотрите, какая. На
такую лошадь и сесть противно. Как на нее только сядешь – она, дура такая, задом
крутит. Шут ее знает почему, но крутит задом. От нее и болезни могут произойти:
грыжа, например, болезнь... От села до базара четыре версты, всякий знает, а у
меня пот градом – измучила совсем чертова анафема. Так и крутит задом, так и
крутит... Да я вам даже показать могу...

Фома Хромой подошел к Гришке и ударил его.

– Чего зубы-то заговариваешь, сука старая. Если ты есть вор, так и веди себя
правильно. Не заговаривай.

Повели Гришку дальше. Уже и село близко – церковь видна.

– Братцы, – смиренно сказал Гришка, – а, братцы... А ведь бить-то меня зря будете.
Все равно скоро конец свету.

Мужики шли молча.

– Вот что, – опять напал Гришка, – ходит тут такой юродивый блажененький
Иванушка-братец... Не я, а он эти слова говорит. «Да, – говорит, – будет в этих

Опальные рассказы. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
местах великое землетрясение и огненный вихорь».

– Да ну? – тихо удивился Фома Хромой. – Врешь?

– Ей-богу, моя правда. Да что мне теперь скрывать? Мне и скрывать теперь нечего. Он и число назначил. Какое у нас число сегодня?

– Осьмое число, – ответили мужики.

– Осьмое. Правильно. Ну, а тут на девятое назначено. Завтра, значит, и будет. В полдень пожелтеет небо, настанет вихорь, и град падет на землю, и град сей будет крупнейший, с яйцо с куриное и даже больше... И будет бить этот град все насквозь. И человека, и скот домашний – корову, например, или курицу...

– И железо? – спросил староста. – Крыша у меня если, скажем, железная?

– Драгоценные есть ваши слова, – сказал Гришка, – и железо.

Мужики остановились.

– Ну, а попа, – спросил кто-то, – может ли, например, поп уцелеть?

– Нет, – ответил Гришка, – и поп не может уцелеть...

– А ведь это верно, – раздумчиво сказал Фома Хромой, – ходила тут схимонашенка такая... Подтверждала эти слова. Только про град-то это он врет. Про град она ничего не говорила. А землетрясение – это верно. И вихорь огненный.

– Ну, а что же, – спросили мужики Гришку, – что же такое делать, если, например, кто спастись хочет?

– Да врет он, – вдруг закричал староста. – Врет ведь, собачий хвост. Зубы дуракам заговаривает. Бейте его, людишки добрые!

Мужички не двигались.

– Нельзя бить, – строго сказал Фома Хромой. – Обождать нужно. Обождем до завтра, братишки. Убить человека завсегда не поздно... Только про град-то он врет, собачий хвост. Ничего схимонашенка про такое не говорила.

– Безусловно врет, – сказал староста, – ей-богу, врет. И про железо врет.

– Так завтра что ли, Гриша, обещаешь ты? – спросил Фома Хромой.

– Завтра. Пожелтеет в полдень небо, настанет вихорь, и град падет на землю, и град сей...

– Ладно, – сказали мужички, – обождем до завтрава.

Развязали Гришке руки и повели в село. А в селе заперли Гришку на старостинном дворе в амбаре и караульщика приставили.

К вечеру все село знало о страшном пророчестве. Приходили бабы на Старостин двор с хлебом и с яйцами, кланялись Гришке и плакали.

А у Фомы Хромого народу собралось множество. Сидел Фома Хромой на лавке и говорил такое:

– Если б не эта схимонашенка, да я бы первый сказал, врет он, собачий хвост. Ну, а тут, схимонашенка... У кого еще была схимонашенка?

– У меня, Фома Васильич, была. У меня и есть, – сказала баба простоволосая, – к вечеру сию я преспокойно... Стучит ктой-то...

– Да, – перебил Фома Хромой, – небо пожелтеет, настанет вихорь...

Назавтра мужички в поле не вышли. А день был ясный. Ходили мужички по селу, на Старостин двор заходили и пересмеивались.

– Сидит еще пророк-то?

– Сидит.

– Соврал, собачий хвост. Как пить дать, соврал. А ведь какво складно вышло. Ах ты, дуй его горой! Такого и бить-то жалко.

И только Фома Хромой не смеялся. Ходил Фома Хромой в одиночку, хмурился, выходил в поле и смотрел на небо. А небо было ясное.

В полдень услышали крик на селе. Кричал Фома Хромой.

– Туча!

И точно. Из-за казенного лесу низко шла туча. Была эта туча небольшая и серая. И ветер гнал ее быстро. Все село высыпало на зады и в поля. И дивится.

– Да, туча.

Но не пожелтело небо и вихорь не настал – прошла туча над селом быстро и скрылась. День был ясный.

Бросились мужички на Старостин двор. Хвать-похвать – амбар открыт, а Гришки нету. Исчез Гришка.

А вместе с Гришкой исчез и конь старостин королевской масти.

1921

Литератор

Я первый раз в жизни видел такого писателя.

Он был еле грамотный. Читал он, правда, ничего себе, сносно. Хотя на некоторых длинных словах затруднялся. И буквы некоторые ему, видимо, были в диковинку. Зато писал он до того худо, что в первый момент я даже растерялся, когда посмотрел на его рукопись. Это было чорт знает что такое. Что-то вообще было нацарапано на бумаге, но что именно – разобрать было трудно.

Я просто обомлел, даже испугался, когда он заявил, что эта рукопись – юмористический рассказ. В рукописи было десятка два еле понятных фраз и выражений.

Ей-богу, такого писателя мне не приходилось больше видеть!

А главное, от него почему-то сильно разило скипидаром. Запах был до того острый, что просто можно было потерять сознание, если подольше посидеть с таким человеком.

Он, видимо, и сам сознавал всю остроту своего запаха. И, входя в комнату, он просил разрешения слегка приоткрыть форточку.

– Слушайте, товарищ, – сказал я ему, возвращая рукопись, – да, может, вы спутали? Может, вы вовсе, как бы сказать, не писатель?

– Зачем же путать, – уныло сказал он. – Известно – писатель. Беллетрист.

Он заходил ко мне несколько раз. И всякий раз приносил страницы две-три чорт знает какой ерунды.

Я несколько по привычке к его куриному почерку и стал более внимательно читать. Нет, это была совершеннейшая галиматья. Это была просто неслыханная чушь. Это был какой-то лепет дефективного переростка!

С некоторым испугом отдавал я ему обратно рукописи. Я боялся, как бы он меня не убил за возврат. Уж очень он был мрачный. И усы у него были длинные, разбойничьи.

Опальные рассказы. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
Однако, он довольно терпимо относился к возврату.

– Значит, для журнала не годится? – спрашивал он. – Печатать нельзя?

– М-да, – говорил я, – навряд ли можно.

Он довольно равнодушно пожимал плечами и неясно говорил:

– Надо, конечно, расстараться.

И уходил.

Всего он заходил ко мне четыре раза. В последний раз он припер с собой довольно объемистую рукопись – страниц на двадцать.

Я тут же, при нем, прочел и просто побледнел от злости.

– Это, – говорю, – товарищ, ну, прямо ни к чортовой матери не годится. Надо же, наконец, понять. Не только печатать – читать совестно. Возьмите обратно. И не приходите больше.

Он строго посмотрел на меня и сказал:

– Дайте тогда расписку.

– Какую расписку?

– Да что не приняли?

– Да на что, – говорю, – тебе, чудак-человек, расписка?

– Да так, – говорит, – все-таки.

Я посмеялся, но расписку дал. Написал, что произведения писателя такого-то не подходят для печати за малограмотностью.

Он поблагодарил меня и ушел со своей распиской.

Дня через три он снова прибежал ко мне. Он был несколько не в себе. Он протянул назад свою расписку и сказал:

– Надо на бланке и чтоб печать. Нельзя такие расписки выдавать.

Тут я припер этого человека к стене. Я просто велел объяснить, на кой дьявол ему нужна расписка. Я ему сказал, что я человек частный и сам никаких печатей на руках не имею.

Тогда, несколько путаясь и сморкаясь в свою толстовку, он объяснил.

– Что ж, – сказал он, – человек я, конечно, не богатый. Гуталин делаю. Производство, конечно, маленькое – только что кормиться. И если, – говорит, – меня налогом обложить, то я в трубу свободно вылечу. Или за квартиру платить не могу, как торговец. А в доме говорят: «Какая у тебя профессия? Какую тебе цену определить?» Я говорю: «Какая профессия? Литератор». «Неси, – говорят, сукин сын, удостоверение. Фининспектор тоже с нас требует». – «Бюрократизм, – говорю, – какой. Ладно достану». Чего теперь делать?

– Да уж, – говорю, – не знаю.

Он потоптался в нерешительности и ушел. Фамилию свою он просил никому не говорить.

Чорт с ним, не скажу.

Сила красноречия

Дело было, нельзя сказать, что запутанное. Все было довольно-таки ясно и скучно.

Преступник сознался в своей вине. Да, действительно, он влез в чужую квартиру,

Опальные рассказы. Михаил Михайлович Зощенко zoschenko1911.ru
придушил чуть не насмерть какую-то квартирную старушонку и унес два костюма, медную кастрюлю и еще какое-то барахло.

Дело было плевое. Неинтересное.

Я хотел было уйти из зала суда, но пробраться было трудно. Много народу. К тому же, сосед мой, староватый гражданин с седыми усами, очень неприветливо буркнул, когда я заворочался на своем месте.

Я остался, поглядел на преступника. Тот сидел неподвижно. Глядел безучастно куда-то в сторону.

– Интересно, сколько ему дадут? – сказал я.

– Ничего интересного – сказал старик, мой сосед, – четыре года со строгой изоляцией.

– Почему вы так думаете?

– Не думаю, – строго сказал старик. – Кодекс думает.

Но вот вышел обвинитель. Он начал говорить с сильным душевным подъемом. Много неподдельного гнева и презрения было в его словах. Он буквально растоптал преступника. Он сравнил его с самым последним дрянным мусором, который надо выкинуть без сожаления. Я давно не слышал такой превосходной речи. Публика сидела притихшая. Судьи внимательно слушали гневные слова прокурора.

Я поглядел на преступника.

Низкий лоб. Тупая челюсть. Звериный взгляд. Да, действительно, форменный бандит. С каким страхом он глядел на говорившего!

– Здорово кроет, – сказал я. – Как бы парня налево не послали, а? Как вы думаете? Высшую меру не могут дать?

– Ерунда, – сказал старик, – четыре года со строгой изоляцией.

Но вот прокурор кончил. После небольшого перерыва начал говорить защитник.

Это был довольно молодой человек. Но сколько настоящего таланта было в нем! Какая сила красноречия! Какой неподдельной простотой и искренностью звучала вся его речь!

Красноречие – это большой дар. Это – большое счастье обладать такой способностью покорять людей своими словами и диктовать им свои желания.

Почти полтора часа говорил защитник.

Публика дергалась на своих местах. Дамы глубоко вздыхали и пудрили вспотевшие от волнения носы. Некоторые слабонервные всхлипывали и сморкались. Сам председатель нервно барабанил пальцами по бумаге.

Преступник в совершенном обалдении, полураскрыв рот, глядел на своего благодетеля.

Да, конечно, защитник и не пытается отрицать его вину. Нет! Это все так. Но не угодно ли заглянуть поглубже. Не угодно ли приподнять завесу, скрывающую тайники жизни. Да, преступник виновен, но нужно хоть раз с добрым сердцем взглянуть на этого человека, на его простое, наивное лицо.

Я снова посмотрел на преступника. В самом деле, а ведь лицо довольно простоватое. И лоб, как лоб. Не особенно низкий. И челюсть не так уж выдается. Подходящая челюсть. Прямо трудно поверить, что с такой, челюстью можно душить старушку.

– А ведь парня-то, пожалуй, оправдают, – сказал я, – или дадут условно. Очень уж способно говорит защитник.

Опальные рассказы. Михаил Михайлович Зощенко zoschenko1hai1.ru
– Ерунда, – сказал старик, – четыре года со строгой изоляцией.

Но вот суд удалился на совещание.

Публика ходила по коридору, обсуждая прекрасную речь защитника. Многие предполагали, что более одного года условно не могут дать.

Мои старик сосал небольшую трубку и сердито говорил в толпе:

– Ерунда! Четыре года со строгой изоляцией.

После долгого ожидания, суд вернулся в зал. Был оглашен приговор – четыре года со строгой изоляцией.

Конвойные тотчас окружили преступника и увели...

Публика медленно расходилась.

В толпе я увидел своего старика. Он прищурил глаз и что-то бормотал. Наверное, он сказал:

– Вот видите, я же говорил.

Этот человек явно скептически относился к красноречию. Я с ним не согласен. Мне нравится, когда о человеке много и подробно говорят. Все-таки меньше шансов ошибиться.

Необыкновенная история

Не знаю, как в других городах, а у нас, в Ленинграде, беспартийные очень в громадном почете.

У нас беспартийных очень берегут, лелеют и даже поручают им разные ответственные партийные дела.

Не знаю, как в других городах, а у нас беспартийные иной раз даже партийных чистят. Ей-богу!

Недавно у нас один беспартийный председателем был на партийной чистке. И ничего.

Это было как раз, когда ветеринарно-фельдшерскую школу чистили. Действительно, ее очень спешно чистили. С одной стороны, надо ребятам в лагерь ехать, а с другой стороны – чистка.

Тогда некоторые говорят:

– Придется, безусловно, в две комиссии чистить. Пуцай будут две комиссии и два председателя. Оно, может, побыстрее пойдет.

И вот, конечно, организовали вторую комиссию. Остановка только за председателем.

Тогда первый председатель, один известный товарищ, бежит до телефона и вызывает с одного учреждения назначенного партийного товарища. Он вызывает этого партийного товарища и просит его в ударном порядке бросить всякие мирные дела и приехать.

Тут, конечно, происходила такая небольшая неувязка. Вместо одного товарища вызывают как раз другого. Или председатель запарился и не те звуки стал произносить или который вызывал – ошибся. Только требуют до телефона одного беспартийного товарища.

Фамилия партийного товарища была что-то в роде Миллер, а беспартийного – вроде Швиллер. Одним словом, фамилии, безусловно, похожи. Ну, дело не в фамилии, а в факте.

И вот подводят к телефону этого беспартийного Швиллера и говорят ему разные высокие ответственные слова. Дескать, будьте добры, пятое-десятое, приезжайте чистить и так далее.

Опальные рассказы. Михаил Михайлович Зощенко zoschenko1hai1.ru
Очень тут беспартийный товарищ Швиллер по началу оробел и забеспокоился от таких слов, начал отмахиваться, начал он за других хвататься. Дескать, как это понять – меня на чистку вызывают?

Другие говорят:

– Надо, безусловно, ехать, раз вызывают. Может, такая инструкция есть, чтобы беспартийные чистили. Поезжайте с богом.

Вот, значит, наш Швиллер, или – как его – Швильдер, почистил ботинки и со скорбящей душой заспешил на ответственное дело.

Ну, приезжает. Скромно здоровкается. А ему стулья подвигают, чернильницу напротив его ставят и разные ответственные партийные слова говорят.

– Будьте, говорят, любезны и так далее – примите председательствование.

Наш голубчик, конечно, руками делает отвороты, дескать, ну как это можно? Разве я смею? Не извольте беспокоиться – я и так посижу. И вообще, говорит, я извиняюсь, – не только председателем, а я, говорит, и на собраниях-то никогда раньше не бывал. Не смешите меня! Ну, на него поглядели – дескать, уставший товарищ отнекивается и... начали чистку.

А надо сказать, что перед этим была совершенно непонятная ситуация.

Первый председатель отлично знал этого беспартийного. Он с ним поздоровался за ручку, угостил папироской и не обратил внимания на такое странное появление. Одним словом, в спешке запарился.

И вот, не знаю, как в других городах, но у нас, в Ленинграде, беспартийный товарищ присел за стол, и началась чистка.

Полтора часа самосильно чистили. В конце концов, наш беспартийный осмелел и тоже начал разные гордые слова произносить. Только вдруг является настоящий партийный товарищ, и все, конечно, разъясняется.

Тут встает со своего почетного места наш беспартийный голубчик и скромно уходит без лишних слов.

– До свидания, – говорит, – я пойду!

Теперь эту чистку признали недействительной и мы с этим совершенно то есть согласны. Хотя нам и жалко которых чистили. Шлем привет беспартийному товарищу.

Честное дело

Вот некоторые, конечно, специалистов поругивают, – дескать, это вредители, спецы и так далее. А я, например, особенно худых специалистов не видел. Не приходилось. Наоборот, которых встречал, все были такие милые, особенные. Как, например, этим летом.

У нас из коммунальной квартиры выехала на дачу одна семья. Папа, мама и ихнее чадо.

Ну, выехали. Заперли на всякий замок свою комнатенку. Один ключ себе взяли, а другой, конечно, соседке отдали, – мало ли чего случится. И отбыли.

А надо сказать – был у них в комнате инструмент – рояль. Ну, обыкновенное пианино. Они его брали на прокат от Музпреда. Брали они на прокат этот рояль для цели обучения своего оболтуса, который действительно бил по роялю со всей своей детской изворотливостью.

И вот наступает лето, – надо оболтуса на дачу везти. И, конечно, знаете, повезли.

А этот рояль, или – проще скажем – пианино, заперли в комнате с разными другими вещами и отбыли. Отдыхают они себе на даче. Вдруг, значит, является на ихнюю городскую квартиру специалист – настройщик роялей, присланный, конечно, своим учреждением.

Конечно, соседка ему говорит: мол, сами уехавши до осени, рояль заперли и безусловно его настраивать не приходится.

Настройщик говорит:

– Это не мое постороннее дело входить в психологию отъезжающих. Раз, – говорит, – у меня на руках наряд, то я и должен этот наряд произвести, чтоб меня не согнали с места службы, как шахтинца или вредителя.

И, значит, открыла ему дверь, он пиджачок скинул и начал разбирать это пианино, развинчивал всякие гаечки, штучки и гвоздики. Развинутил и начал свою какофонию. Часа два или три, как больной, определял разные звуки и муржил соседей. После расписались в его путевке, он очень просветлел, попрощался и отбыл.

Только проходит месяц – снова является.

– Ну, как, – говорит, – мой рояль?

– Да ничего, – говорят, – стоит.

– Ну, – говорит, – я еще беспрерывно должен его настроить. У нас раз в месяц настраивают. Такой порядок.

Начали его жильцы уговаривать и урезонивать – мол не надо. Комнатка, дескать, заперта. Рояль еще два месяца будет стоять без движения. К чему такие лишние траты производить!

Уперся на своем.

– У меня, – говорит, – наряд на руках. Не просите. Не могу.

Ну, опять развинутил рояль. Опять часа два назад свинчивал. Бренчал и звучал и на брюхе под рояль ползал. После попрощался и ушел, утомленный тяжелой специальностью.

На днях он в третий раз приперся.

– Ну, как, – говорит, – не приехавши?

– Нет, – говорят, – на даче отдыхают!

– Ну, так я еще поднастрою. Приедут – очень великолепно звучать им будет.

И хотя ему объясняли и даже один наиболее горячий жилец хотел ему морду наколотить за потусторонние звуки, однако он дорвался до своего рояля и снова начал свои научные изыскания.

Сделал свое честное дело и ушел на своих интеллигентных ножках.

Неувязка

Новый быт наступает, а многие родители еще и за ум не схватились.

Многие родители еще называют своих детишек – Коля, Петя, Андрюша и так далее. А через двадцать лет, когда можно сказать, засияет жизнь, такие мещанские названия, как Петя, будут прямо убийственны.

Безусловно, другие родители и рады бы сейчас давать новые имена, да, знаете, выбору маловато. Раз-два и обчелся. Да и неувязка может произойти. Как у моих знакомых.

У моих знакомых в том сезоне родился мальчик. Родители, люди очень такие, что ли, передовые, обрадовались.

– Ага, – говорят, – уж в этом случае мы будем на высоте положения. Уж мы дадим ему настоящее название. Это будет не какой-нибудь Петя.

Начали они думать, как назвать. Два дня думали и глядели в календари, на третий

Опальные рассказы. Михаил Михайлович Зощенко zoschenko1hai1.ru
прямо захворали. Не могут придумать подходящего красивого названия.

Вдруг приходит ихний сосед.

– Да вы, – говорит, – откройте любой политсловарь и хватайте оттуда какую-нибудь выдающуюся фамилию. И называйте этой фамилией свою невинную крошку.

Развернули родителя словарь. Словарь впоследствии оказался «Походным политсловарем». Видят – симпатичная, красивая фамилия – Жорес. Читают: «Вождь социалистического движения во Франции. Предательски убит из-за угла».

Думают: подходящее. Пушай мальчик будет Жорес, в честь героя Жореса. Ура!

И назвали своего мальчика этим именем. Зарегистрировали его, конечно, и стали называть Жоря.

Вдруг приходят к ним гости. И между прочим братишка жены, комсомолец Паша К-ов.

Паша говорит:

– Да, – говорит, – имячко вы дали довольно странное, если не сказать больше...

И сам усмехается.

– А что? – говорят.

– Да как же, – говорит. – Жорес, – говорит, – хотя к был социалистом, но он был врагом коммунизма. Он деятель II интернационала. Он вроде как меньшевик. Ну и дали вы имячко, поздравляю, милые родители!

Тут родители растерялись. Развернули словарь – социалист. На Пашку поглядят – Пашка усмехается. Начали родители огорчаться. Начали ахать и за мальчика своего хвататься.

Мамаша говорит:

– Это такая неувязка произошла. Хорошо, что сын маленький, а то бы ему неловко было такое меньшевистское название иметь.

Отец говорит:

– Надо завтра побегать в ЗАГС – поменять имя. Пушай назовем хотя бы Магний.

И, значит, на другой день побегала мамаша со своим младенцем в ЗАГС.

– Так и так, – говорит, – будьте любезны, а то прямо скандал...

Там ей отвечают:

– Очень, – говорят, – печально, но, говорят, по закону запрещается менять имена и фамилии до 18 лет. Пушай ваш мальчик зайдет через 17 лет в понедельник, от 2 до 3, тогда будет можно.

Так и не разрешили.

А родители убиваются. Хотя и не теряют надежды. А надежды терять не надо. Надо полагать, что какая-нибудь крупная инстанция все же разрешит это досадное недоразумение.

Мерси

В этом году население еще немножко потеснилось.

С одной стороны, конечно, нэпманы за город выехали во избежание разных крупных недоразумений и под влиянием декрета. С другой стороны, население само уплотнилось, а то в тройном размере платить не каждому интересно. И, безусловно, уничтожение квартирного института тоже сыграло выдающуюся роль. Так что этот год очень даже выгодно обернулся в смысле площади.

Опальные рассказы. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
Если каждый год такая жилплощадь будет освобождаться – это вполне роскошно, это новых домов можно пока что не возводить. В этом году очень многие пролетарии квартирки и комнатки заимели путем вселения. Вот это хорошо!

Хорошо, да не совсем. Тем более, это вселение производят без особого ума. Только бы вселить. А чего и куда и к кому – в это, безусловно, не входят.

Действительно верно, особенно входить не приходится в силу такого острого кризиса.

Но, конечно, хотелось бы, если нельзя сейчас, то в дальнейшем иметь некоторую точность при вселении, или гарантию, что, скажем, к тихому человеку не вселяли бы трубача или танцора, который прыгает, как бешеный дурак, до потолка и трясет квартиру.

Или бы так: научных секретарей вселять, скажем, к научным секретарям. Академиков, прошедших чистку аппарата, – к академику. Зубных врачей – к зубным врачам. Которые на флейте свистят – опять же к своим ребятам, – вали свисти вместе!

Ну, конечно, если нельзя иметь такую точность при вселении, то и не надо. Пушай бы по главным признакам вселяли. Которые люди умственного труда и которые любят по ночам книжки перелистывать – вали к своим ночным труженикам. Другие – к другим. Третьи – к третьим.

Вот тогда бы жизнь засияла. А то сейчас очень другой раз обидно получается.

Как, например, такой факт с одним нашим знакомым. Он вообще рабочий. Текстильщик. Он фамилию свою просил не употреблять. Про факт велел рассказать, а фамилию не дозволил трогать. А то, говорит, меня могут окончательно доконать звуками. Так что назовем его, ну, хотя бы Захаров.

Его, голубчика, как раз вселили в этом году. Конечно, мерси и спасибо, что вселили, а то он у своих родственников проживал. А только это вселение ему боком вышло.

Был это славный гражданин и хотя, конечно, нервный, но довольно порядочного здоровья. А теперича, будьте любезны – невроз сердца, и вся кровь выкипела от раздражения.

А главная причина – он в этой квартире не ко двору пришелся. Эту квартирку как раз интеллигенты населяли. В одной комнате – инженер. В другой, конечно, музыкальный техник, – он в кино играет и в ресторанах. В третьей, обратно – незамужняя женщина с ребенком. В ванной комнате – домашняя работница. Тоже, как назло, вполне интеллигентная особа, бывшая генеральша. Она за ребенком приглядывает. А ночью в ванне проживает. Спит.

Одним словом, куда ни плюнь – интеллигенты! И ихняя жизнь не такая подходящая, как, конечно, хотелось бы.

Для примера. Захаров встает, конечно, не поздно. Он часов в пять встает. Или там в половине пятого. У него такая привычка – пораньше встать. Тем более, он на работу встает, не на бал.

А инженер об это время как раз ложится. Или там на часик раньше. И в стенку стучит. Мол, будьте любезны, тихонько двигайтесь на своих каблуках.

Ну, Захаров, конечно, ему объясняет, – мол, не на бал он спешит. Мол, он должен помыться, кипяточек себе скипятить и так далее.

И тут, конечно, происходит первая схватка.

Хочет Захаров пойти помыться – в ванной комнате интеллигентная дама спит. Она визг подымает, дискуссии устраивает и так далее.

И, конечно, дело, после таких схваток и дебатов человек является на работу не такой свеженький, как следует.

Опальные рассказы. Михаил Михайлович Зощенко zoschenko@mail.ru
После приходит он обратно домой. Часам, что ли, к пяти. Ну, подзаправится. Поглядит газету. Где бы ему тихонечко полежать, подумать про политику или про качество продукции – опять нельзя!

По левую руку уже имеется музыкальный квинтет. Наш музыкант с оркестра имеет привычку об это время перед сеансом упражняться на своем инструменте. У него флейта. Очень ужасно звонкий инструмент. Он в него дудит, продувает, слюнки выколачивает и после гаммы играет.

Ну, выйдет Захаров во двор. Посидит часик-другой на тумбочке, – душа домой просится.

Придет домой, чайку покушает, а по правую ручку у инженера уже гости колбасятся. В преферанс играют. Или на своей пианоле какой-нибудь собачий вальс Листа играют. Или шимми танцуют, – наверное, в дни получек. Глядишь, и вечерок незаметно прошел. Дело к ночи. И хотя, конечно, ночью они остерегаются шуметь, а то можно и в милицию, но все-таки полного спокойствия нету. Двигаются. За паркет ножками цепляются. И так далее.

Только разошлись – музыкант с ресторана или с вечеринки заявляется. Кладет свой инструмент на комод. С женой ругается. Только он поругался и затих – инженер задвигался: почитал, видите ли, и спать ложится.

Только он лег спать – Захарову вставать надо. Только Захаров встал – инженер расстраивается, в стенку ударяет, не велит на каблуках вращаться. Только в ванную пошел – визг и крики, мол, зачем брызги падают. И так далее, и так далее.

И, конечно, от всего этого работа страдает: ситчик, сами видите, другой раз какой редкий и неинтересный бывает, – это, наверное, Захаров производит. И как ему другой произвести? Ножки гнутся, ручки трясутся и печенка от огорченья пухнет.

Вот я и говорю: ученых секретарей надо к ученым секретарям, зубных врачей к зубным врачам и так далее. А которые на флейте свистят, тех можно за городом поселить.

Вот тогда жизнь засияет в полном своем блеске.

Сенатор

Из «Гусина» я выехал утром. Извозчик мне попался необыкновенный – куда как бойчее своей лошади.

Лошаденка трусила особенной деревенской трухлявой рысью с остановками, тогда как извозчик ни на одну секунду не засиживался на месте: он привставал, гикал, свистел в пальцы, бил кнутовищем свою гнедую кобылку, стараясь попасть ей по бокам и по животу, иногда даже выпрыгивал из саней и, по неизвестной причине, бежал рядом с кобылкой, ударяя ее время от времени то ладонью, то ногой по брюху.

Я не думаю, что делал это он от холода. Мороз, помню, был незначительный, да и ехали мы недолго, с полчаса, что ли. Думаю, что делал это он по необыкновенной энергичности своего характера.

Когда мы подъезжали к какой-то деревушке, извозчик мой обернулся и, кивнув головой, сказал:

– «Лаптенки» это...

Потом засмеялся.

– Чего смеешься? – спросил я.

Он засмеялся еще пуще. Затем высморкался, ловко надавив нос одним пальцем, и сказал:

– Сенатор... Сенатор тут в «Лаптенках» существует.

– Сенатор? Какой сенатор? – удивился я.

– Обыкновенно какой сенатор.. Генерал, значит, бывший..

– Да зачем же он тут живет? – спросил я.

– А живет.. – сказал извозчик. – Людей джюе пугается – вот и живет тут. С перепугу, то есть, живет. После революции.

– А чего ж он тут делает?

Извозчик мой рассмеялся и ничего не ответил. Когда мы въехали в «Лаптенки», он снова обернулся ко мне и сказал:

– Заехать, что ли? Погреться нужно бы..

– Не стоит, – сказал я. – Приедем скоро.

Мы двинулись дальше.

– Гражданин, – сказал извозчик просительно, – заедем.. Мне на сенатора посмотреть охота.

Я рассмеялся.

– Ну, ладно. Показывай своего сенатора.

Мы остановились у черной, плохонькой избы, сильно приплюснутой толстенной соломенной крышей. Извозчик мой в одну секунду выскочил из саней и открыл ворота, не спросив ничего у хозяев. Сани наши въехали во двор. Я вошел в избу.

Может, оттого, что я давно не был в деревне, изба эта показалась мне необыкновенно грязной. Маленькое оконце, сплошь заляпанное тряпками и бумагой, едва пропускало свет в избу.

В избе баба стирала белье в лоханке. Рядом с лоханкой сидел старичок довольно дряхлого вида. Он внимательно, с интересом смотрел, как мыльная пена, вылетая из лоханки, ударялась в стену кусками и со стены сползала медленно, оставляя на ней мокрые полосы.

В избе было душно. Несмотря на это, старичок одет был крепко: в валенках, нагольном тулупе, даже в огромной меховой шапке. Сам старичок был малюсенький – ноги его, свешиваясь с лавки, не доставали земли. Сидел он неподвижно.

Я поздоровался и просил побыть в избе минут пять – погреться.

– Грейтесь! – коротко сказала баба, едва оборачиваясь в мою сторону.

Старичок промолчал. Он, впрочем, сурово взглянул на меня, но после снова принялся следить за мыльной пеной.

Я недоумевал.

«Уж не этот ли старикан – сенатор?» – думал я.

В это время в избу вошел мой извозчик. Он поздоровался с бабой и подошел к старику.

– Господину сенатору с кисточкой, – сказал он, протягивая ему руку.

Старичок подал нехотя свою сухонькую ручку. Извозчик засмеялся, подмигнул мне и сказал тихо:

– Это и есть..

Должно быть, услышал это старичок. Он заерзал на скамье и заговорил вдруг каким-то странным мужицким говорком, сильно при этом окая:

– Вре-е.. Вы не слушайте ево, господин.. Меня тут все дражнят.. сенатором.. А чего

Опальные рассказы. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
это за слово – мне неведомо. Ей-бо.

Баба бросила вдруг стирать, утерла лицо передником и рассмеялась. Извозчик мой засмеялся тоже.

Я уж подумал было, что это и в самом деле так: дразнят старика, однако меня смутила его странная, как бы нарочная мужицкая речь. Мужики здесь так не говорили. Да и подозрительно было оканье и сухие, белые, не мужицкие руки.

– Послушайте, – сказал я, улыбаясь, – а я ведь вас где-то видел. Кажется, в Питере...

Старик необыкновенно смутился, заерзал на лавке, но сказал спокойно:

– В Питере?.. Нетути, не был я в Питере...

Извозчик ударил себя по ляжкам, присел и захохотал громко, захлебываясь. И не переставая смеяться, он все время подталкивал меня в бок, говоря:

– Ой, шельма! Ой, умереть сейчас, шельма какая! Ой, врет как...

Баба смеялась тихо, беззвучно почти – я видел, как от смеха дрожали ее груди.

Старик смотрел на извозчика с бешенством, но молчал. Я присел рядом со стариком.

– Бросьте! – сказал я ему. – Ну чего вы, право... Я человек частный, по своему делу еду... К чему вы это передо мной-то? Да и что вы боитесь? Кто вас тронет? Человек вы старый, безобидный... Нечего вам бояться.

Тут произошла удивительная перемена со старичком. Он поднялся с лавки, скинул с себя шапку, побледнел. Его лицо перекошилось какой-то гримасой, губы сжались, профиль стал острый, птичий, с неприятно длинным носом. Старик казался ужасно взволнованным.

– Тек-с, – сказал он совершенно иным тоном, – полагаете, что никто не тронет? Никто?

– Да, конечно, никто.

Старичок подошел ко мне ближе. В своем волнении он окончательно потерял все мужицкое. Он даже стал говорить по-иному – не употребляя мужицких слов. Было ясно: передо мной стоял интеллигентный человек.

– Это меня-то никто не тронет? Меня? – сказал он почти шопотом. – Да меня, может, по всей России ищут.

Старик надменно посмотрел на меня.

Мне стало вдруг неловко перед ним. В самом деле: к чему я с ним заговорил об этом? Ему, видимо, нравилась его роль – тайного, опасного человека, которого разыскивает правительство. Сейчас этот тихий старичок казался почти безумным.

– Меня? – шипел старик. – Меня... (тут он назвал совершенно мне неизвестную фамилию).

– Простите, – пробормотал я, – я не хотел вас обидеть... И, конечно, если вас разыскивают...

Я поднялся с лавки, попрощался и хотел уйти.

– Позвольте! – сказал мне старик. – Что про меня в газетах пишут?

– В газетах? Ничего.

– Не может быть, – закричал старичок. – Вы, должно быть, газет не читаете.

– Ах да, позвольте, – сказал я, – что-то такое писали...

Опальные рассказы. Михаил Михайлович Зощенко zoschenko1hai1.ru
Старичок взглянул на меня, потом на хозяйку, на моего извозчика и, довольный, рассмеялся.

– Воображаю, – протянул он, – какую галиматью пишут. Что ж это, разоблачения, должно быть?

– Разоблачения, – сказал я.

– Воображаю...

Я вышел во двор. Когда мы выезжали со двора, старичок бросился к саням, снял шапку и сказал:

– Прощайте, господин. Счастливый путь-дороженька. А про сенатора – врут... Ей-бо, врут... Дразнят старика...

Он еще что-то бормотал, я не расслышал – сани наши были уже на улице.

Извозчик мой тихонько смеялся.

– А что, – спросил я его, – как же он тут живет? У кого? Кто его держит?

– Сын... Сын его держит, – сказал извозчик, давась от смеха.

– Как сын? Какой сын?

– Обыкновенно какой... Родной сын. Мужик. Крестьянин. Я не здешний, не знаю сам... Люди говорят... На воспитанье, будто, сенатор сына сюда отдал. К бабке Марье... Будто он в прежнее время его от актриски одной прижил... Неизвестно это нам... Мы не здешние...

– А ведь старик, пожалуй что, безумный, – сказал я.

– Чего-с?

– Сумасшедший, говорю, старик-то. Вряд ли его кто разыскивает.

– Зачем сумасшедший? – сказал извозчик: – Не сумасшедший он. Нет. Хитровой только старик. Хитрит, сукин сын. Мы, бывало, к ним соберемся и давай крыть старика: какой есть такой? документы? объясняй из прежнего. Затрясется старик, заплачет. Ну, да нам что... Пуцай живет... Может, ему год жизни осталось. Нам что...

Извозчик хлестнул кнутовищем, потом выскочил из саней и побежал рядом со своей кобылкой.

Пелагея

Пелагея была женщина неграмотная. Даже своей фамилии она не умела подписывать. А муж у Пелагеи был ответственный советский работник. И хотя он был человек простой, из деревни, но за пять лет житья в городе поднатерел во всем. И не только фамилию подписывать, а чорт знает, чего только не знал. И очень он стеснялся, что жена его была неграмотной.

– Ты бы, Пелагеюшка, хоть фамилию подписывать научилась, – говорил он. – Легкая такая у меня фамилия, из двух слогов – Куч-кин, а ты не можешь... неловко...

А Пелагея, бывало, рукой махнет и отвечает:

– Ни к чему, дескать, мне это, Иван Николаевич. Годы мои постепенно идут. Рука специально не гнется. На что мне теперь учиться и буквы выводить? Пуцай лучше молодые пионеры учатся, а я и так до старости доживу.

Муж у Пелагеи был человек ужасно какой занятой и на жену много времени тратить не мог. Покачает он головой – ох, дескать, Пелагея, Пелагея... И замолчит.

Но однажды все-таки принес Иван Николаевич специальную книжку.

– Вот, – говорит, – Поля, новейший букварь-самоучитель, составленный по последним методам. Я, – говорит, – сам буду тебе показывать.

А Пелагея усмехнулась тихо, взяла букварь в руки, повертела его и в комод спрятала – пущай, дескать, лежит, может, потомкам пригодится.

Но вот однажды днем присела Пелагея за работу. Пиджак Ивану Николаевичу надо было починить, рукав протерся.

И села Пелагея за стол. Взяла иголку. Сунула руку под пиджак – шуршит что-то.

«Не деньги ли?» – подумала Пелагея.

Посмотрела, – письмо. Чистый такой, аккуратный конверт, тоненькие буковки на нем, и бумага вроде как духами или одеколоном пахнет. Екнуло у Пелагеи сердце.

«Неужели же, – думает, – Иван Николаевич меня зря обманывает? Неужели же он сердечную переписку ведет с порядочными дамами и надо мной же, неграмотной душой, насмеяется?»

Поглядела Пелагея на конверт, вынула письмо, развернула – не разобрать по неграмотности.

Первый раз в жизни пожалела Пелагея, что читать она не может.

«Хоть, – думает, – и чужое письмо, а должна я знать, чего в нем пишут... Может, от этого вся моя жизнь переменится, и мне лучше в деревню ехать, на мужицкие работы».

Заплакала Пелагея, стала вспоминать, что Иван Николаевич, будто, переменялся в последнее время, – будто, он стал об усяшках своих заботиться и руки чаще мыть.

Сидит Пелагея, смотрит на письмо и ревет белугой. А прочесть письмо не может. А чужому человеку показать совестно.

После спрятала Пелагея письмо в комод, дошила пиджак и стала дожидать Ивана Николаевича. И когда пришел он, Пелагея и виду не показала. Напротив того, она ровным и спокойным тоном разговаривала с мужем и даже намекнула ему, что она непрочь бы поучиться, и что ей чересчур надоело быть темной и неграмотной бабой.

Очень этому обрадовался Иван Николаевич.

– Ну и отлично, – сказал он. – Я тебе сам буду показывать.

– Что ж, показывай, – сказала Пелагея.

И в упор посмотрела на ровные, подстриженные усики Ивана Николаевича.

Два месяца подряд Пелагея изо дня в день училась читать. Она терпеливо по складам составляла слова, выводила буквы и заучивала фразы. И каждый вечер вынимала из комода заветное письмо и пыталась разгадать его таинственный смысл.

Однако, это было очень нелегко. Только на третий месяц Пелагея одолела науку.

Утром, когда Иван Николаевич ушел на работу, Пелагея вынула из комода письмо и принялась читать его.

Она с трудом разбирала тонкий почерк, и только еле уловимый запах духов от бумаги подбадривал ее.

Письмо было адресовано Ивану Николаевичу.

Пелагея читала:

«Уважаемый товарищ Кучкин!

Посылаю вам обещанный букварь. Я думаю, что ваша жена в два-три месяца вполне может одолеть премудрость. Обещайте, голубчик, заставить ее это сделать. Внушите ей, объясните, как, в сущности, отвратительно быть неграмотной бабой.

Сейчас, к этой годовщине, мы ликвидируем неграмотность по всей Республике всеми средствами, а о своих близких почему-то забываем.

Обязательно это сделайте, Иван Николаевич.

С коммунистическим приветом

Мария Блохина».

Пелагея дважды перечла это письмо и, скорбно сжав губы и, чувствуя какую-то тайную обиду, заплакала.

Поводырь

Каждый день один за другим шли поезда с севера на юг. Тысячи замученных, бледных северян, изумляясь необыкновенному солнцу и нестерпимой жаре, вылезали из-под раскаленных крыш вагонов. Среди этих изумленных северян был и я.

На одной маленькой промежуточной станции я сошел с поезда с небольшим своим багажом. Я бросил чемодан на платформу и присел на него, ожидая, что ко мне со всех ног бросится куча носильщиков. Я уже рассчитал, что выберу себе здорового загорелого парня.

Однако, носильщики ко мне не бросились. Станция была почти пуста.

На платформу вышел только начальник станции – босой, в расстегнутой белой блузе. Он с явным недовольством посмотрел заспанными глазами на поезд, зевнул, потом снова посмотрел на поезд и вдруг с негодованием махнул на него фуражкой.

Поезд, лязгая буферами, пошел дальше.

Я сидел на своем чемодане, тяжело дыша от непривычной жары. Носильщиков не было.

– Товарищ, – крикнул я начальнику станции, – извиняюсь, товарищ.. Есть тут носильщики?

Начальник станции остановился, подтянул штаны и, видимо, только сейчас заметив меня, сказал:

– Сейчас. Одну минуту.

И вошел в помещение.

Через минуту он вернулся застегнутый и в сапогах и любезным тоном спросил:

– Вам чего? Носильщиков? А вот носильщики. Спят.

Действительно, за углом дома лежали на животах трое ужасно загорелых мальчишек. Двое из них спали. Третий, совсем, небольшой, лет двенадцати, вскочил при виде нас на ноги.

– Чего? Вещи, что ли, нести, гражданин? – спросил он деловым тоном.

– Вещи... Вот чемодан... Легкий..

– Можно, – сказал парнишка. – Только Палькина очередь. Спит он еще. Вы обождите.

– А ты не можешь?

– Да-а, – сказал парнишка, – Палька драться будет. Его очередь.

Начальник станции подмигнул мне и засмеялся.

– Боятся его. Отчаянный очень подросток.

И потом, желая, видимо, мне пояснить, добавил:

– Это Палька Ершов. Его тут все боятся. Очень даже отчаянный, смелый подросток.

– я не боюсь, – сказал парнишка, – а только Палькина очередь.

Палька Ершов лежал на животе, уткнувшись носом з землю. На грязной босой подошве его ноги было написано – 1р. Видимо, ниже означенной цены трогать Пальку нельзя.

– Палька! – крикнул я.

– Он не велел будить, – сказал парнишка. – Пуцай, говорит, обождут пассажиры.

Я засмеялся.

Парнишка тоже засмеялся и сказал, оправдываясь:

– Палька очень отчаянный. Смелый. Он даже слепца убил.

– Как? Слепца убил?

– Слепца. Он слепца водил. А после мальчишки смеяться над ним стали. Зачем водит... А Палька завел слепца в поле и теку. А слепец за ним. А Палька в овраг. А слепец потонул в воде...

Все это парнишка проговорил залпом, опасливо поглядывая на Пальку.

Мне показалось, что Палька не спит. И действительно, он вдруг перевернулся, лег на спину, посмотрел на меня прищуренным глазом и зевнул. Мне показалось, что Палька и раньше не спал, а только делал вид, что спит, а на самом деле отлично все слышал.

Он зевнул еще раз, ковырнул пальцем в носу и сказал лениво:

– Вещи, что ли? Куда?

Я сказал. Палька вскочил на ноги, кинулся к моему чемодану и, легко взвалив его на плечи, быстро почти бегом, пошел. Я еле поспевал за ним.

Палька оглянулся раз или два и надбавил шагу. Ему, видимо, доставляло огромное удовольствие гнать меня, как барана.

Нестерпимая жара, пыль били меня в лицо. Я шел все медленней и медленней и, наконец, потерял Пальку из виду.

Каюсь, я испугался. Я подумал, что чемодан мой пропал безвозвратно. Но на повороте дороги, в тени, под деревом, я увидел Пальку. Он сидел на моем чемодане и меланхолично сплевывал через зубы.

Вид у меня, наверное, был смешной. Палька посмотрел на меня и засмеялся.

– Не бойсь, – сказал Палька, – не унесу.

Мы несколько отдохнули, покурили и пошли дальше.

– Палька, – спросил я, – а верно, что ты слепца убил?

– Брешут, – сказал Палька, гордо улыбаясь. – Брешут мальчишки про слепца.

– С чего ж им врать?

– А я знаю? – сказал он. – Язык без костей. Можно брехать.

– Палька, – сказал я, еле поспевая за ним, – верно, что ты поводырем был? Слепца водил?

– Это верно, – сказал Палька. – Я слепца пять лет водил. Мне matka велела слепца водить. Я, может, по всей местности его водил. Может, по всей России. А после мне скушно стало. Ребята тоже, конечно, смеяться начали. Время, говорят, теперь не такое – слепцов водить. Не царский режим. Бросай его. Пуцай подростков не эксплуатирует. Ты теперь гражданин.

– И ты бросил? – спросил я.

– Я-то? – сказал Палька. – Бросил. Конечно. А он, шельма, чувствовал, что я его наверно брошу. Я до ветру, например, иду, а он, шельма, дрожит, за руку цепляется. Не смей, говорит, без меня до ветру ходить. А я говорю ему: я, говорю, дяденька Никодим, сейчас, до ветру только. А он цоп за руку и не пускает... А после мне очень скушно стало его водить. И пошли мы в поле. А я говорю: я сейчас, дяденька Никодим... И сам за куст. Он, шельма, за мной. Я притаился. А он дрожит, шельма. «Палька! – кричит. – Неужели же ты бросишь меня, стерва?» А я молчу. А он кричит: «Я, – кричит, – тебе, шкету, полботинки справлю». – А я говорю: «Не надо, говорю, мне полботинки. Мне, говорю, босиком больно хорошо». А он на мой голос – за мной. Нос у него до того чуткий, – знает, где я. Я побежал немножко и присел у оврага. А он воздух нюхает и бежит вровень... Целый день бежали. А после мне скушно стало бежать. Я и прыгнул в воду. А дяденька Никодим тоже, как брякнется вниз и поплыл.

– И что же, – спросил я, – потонул он?

– А я знаю? – ответил Палька. – Может, он, конечно, и не потонул. Они, слепцы, живучие черти. А только мне этих слепцов очень даже скушно водить. Я завсегда их бросаю. Пуцай подростков не трогают... Мы теперь, значит, граждане, с сознанием.

Палька дотащил мой чемодан и, получив рубль, не прощаясь, бросился назад.

Фома Неверный

фома Крюков три года не получал от сына писем, а тут, извольте – получайте, фома Петрович, из города Москвы, от родного сына пять целковых.

«Ишь ты – думал фома, рассматривая полученную повестку. – Другой бы сын, небось, три рубля отвалил бы и хватит. А тут, извольте – пять целковых. При таком обороте рублишко и пропить можно».

фома Крюков попарился в бане, надел чистую рубаху, выпил полбутылки самогона и поехал на почту.

«Скажи на милость, – думал фома дорогой, – пять целковых! И чего только не делается на свете! Батюшки-светы! Царей нету, ничего такого нету, мужик в силе... Сын-то, может, державой правит... По пять рублей денег отцу отваливает... Или врут люди насчет мужиков-то? Ой, врут! Сын-то, может, в номерных в гостинице служит!»

фома приехал на почту, подошел к прилавку и положил извещение.

– Деньги, – сказал фома, – деньги мне от сына дополучить.

Кассир порылся в бумагах и положил на прилавок полчервонца.

– Так! – сказал фома. – А письма мне сын не пишет?

Кассир ничего не ответил и отошел от прилавка.

«Не пишет, – подумал фома. – Может, после напишет. Можем ждать, если, скажем, есть деньги».

фома взял деньги, посмотрел на них с удивлением и вдруг стукнул ладонью по прилавку.

– Эй, дядя! – закричал фома. – Каки деньги суешь-то, гляди?!

– Какие деньги? – сказал кассир. – Новые деньги...

– Новые? – переспросил фома. – Может, они, это самое, липовые, а? Думаешь, выпившему человеку все сунуть можно? Знаки-то где?

фома посмотрел на свет, повертел в руке, потом опять посмотрел.

– Ну? – с удивлением сказал фома. – Это кто там такой есть? Изображен-то... Не мужик ли? Мужик. Ей-богу, мужик. Ну? Не врут, значит, люди. Мужик изображен на

Опальные рассказы. Михаил Михайлович Зощенко zoschenko1hai1.ru
деньгах-то. Неужели же не врут? Неужели же мужик в такой силе?

Фома снова подошел к прилавку.

– Дядя, – сказал Фома, – изображен-то кто? Извини за слова...

– Уходи, уходи! – сказал кассир. – Получил деньги и уходи к лешему... Где изображен-то?

– Да на деньгах!

Кассир посметрел на мужика и сказал, усмехаясь:

– Мужик изображен. Ты, ваше величество, заместо царя изображен. Понял?

– Ну? – сказал Фома. – Мужик? А как же это я, дядя, ничего не знаю и ничего не ведаю? И землю пахаю. И все у нас пахают и не ведают.

Кассир засмеялся.

– Ей-богу, – сказал Фома. – Действительно, подтверждают люди: деятели, говорят, теперь крестьянские. И крестьянство в почете. А как на деле, верно ли это или врут люди – неизвестно... Но ежели на деньгах портрет... Неужели же не врут?

– Ну, уходи, уходи, – снова сказал кассир. – Не путайся тут.

– Сейчас, – сказал Фома. – Деньги только дай спрятать, с портретом, ха... А я, дядя, имей в виду, царей этих самых и раньше не любил... Ей-богу.

Фома с огорчением посмотрел на сердитого кассира и вышел.

«Скажи пожалуйста, – думал Фома, – портрет выводят... Неужели же мужику царский почет?»

Фома погнал лошадь, но у леса вдруг повернул назад и поехал в город.

Остановился Фома у вокзала, привязал лошадь к забору и вошел в помещение. Было почти пусто. У дверей, положив под голову мешок, спал какой-то человек в мягкой шляпе.

Фома купил на две копейки семечек и присел на окно, но, посидев минуту, подошел к спящему и вдруг крикнул:

– Эй, шляпа, слась со скамьи! Мне сесть надо...

Человек в шляпе раскрыл глаза, оторопело посмотрел на Фому и сел. И, зевая и сплевывая, стал свертывать папироску.

Фома присел рядом, отодвинул мешок и стал со вкусом жевать семечки, сплевывая шелуху на пол.

«Не врут, – думал Фома. – Почет, все-таки, заметный. Слушают. Раньше, может, в рожу бы вlepили, а тут слушают, пугаются. Ишь ты, как все случилось, незаметно приключилось... Скажи на милость... Не врут»

Фома встал со скамьи и с удовольствием прошелся по залу. Потом подошел к кассе и заглянул в окошечко.

– Куда? – спросил кассир.

– Чего куда?

– Куда билет-то, дура-голова?

– А никуда, – равнодушно сказал Фома, разглядывая помещение кассы. – Могу я посмотреть внутри кассу, ай нет?

– А никуда, – сказал кассир, – так нечего и рыло зря пялить.

– Рыло? – обиженно спросил Фома. – Кому говоришь-то?

– Ишь пьяная морда! – сердито сказал кассир. – Тоже в окно глядит... Чорт серый...

Фома нагнулся к окошечку и вдруг плюнул в кассира и быстро пошел к выходу.

Фому схватили, когда он отвязывал лошадь. Он вырывался, кричал, пытался даже укусить сторожа за щеку, но его неумолимо волокли к дежурному агенту.

Там, слегка успокоившись, Фома пытался что-то объяснить, размахивал руками, вынимал из шапки деньги и предлагал агенту взглянуть на них. Но агент, ежесекундно макая перо в пузырек, писал протокол об оскорблении действием кассира при исполнении служебных обязанностей. И еще о том, что Фома, находясь явно в нетрезвом виде, ел в закрытом помещении семечки и плевал на пол.

Фома поставил под протоколом крестик и, вздыхая и дергая головой, вышел из помещения.

Отвязал лошадь, сел в телегу, достал из шапки деньги и посмотрел на них. Потом махнул рукой и сказал:

– Врут, черти...

И погнал лошадь к дому.

Старая крыса
Подписка на аэроплан шла успешно.

Один из конторщиков, старый воздушный спец, дважды поднимавшийся на колбасе, добровольно ходил по всем отделам и агитировал:

– Товарищи, – говорил спец, – наступает новая эра. Каждое учреждение будет обладать воздушным передвижением в лице аэроплана... Ну и этого... подписывайтесь...

Служащие подписывались охотно. Никто не спорил со спецом. Только в одной канцелярии, в счетном отделе, спецу пришлось столкнуться с упорным человеком. Этот упорный человек был счетовод Тетерькин.

Счетовод Тетерькин иронически усмехнулся и спросил спеца:

– На аэроплан? Гм... А какой же это будет аэроплан? Как же я так – здорово живешь – брошу на него деньги? Я, батенька, – старая крыса.

– Позвольте, – кипятился спец, – аэроплан. Ну, обыкновенный аэроплан...

– Обыкновенный, – горько усмехнулся Тетерькин. – А, может, он, тово, непрочный будет? Может, на нем полетишь, а его ветром шибанет, и пропали денежки? Как же я так, сдуру, ухлопаю на него деньги?... Я супруге швейную машину покупал, так я, имейте в виду, каждое колесико ощупал... А тут как же? Может, в нем пропеллер не тово, не крутится? А?

– Позвольте, – орал спец, – государственный завод строить будет! Завод! Завод!..

– Завод, – иронизировал Тетерькин. – Что ж что завод? Я хоть на колбасе и не поднимался, но я, батенька, старая крыса, знаю. Другой завод денежки возьмет, а толку нету... Да вы не машите на меня руками. Я заплачу. Мне не жалко заплатить... Я ради справедливости говорю. А заплатить... Извольте. Вот я могу даже за Михрютина заплатить – в отпуску он... Пожалуйста.

Тетерьки вынул кошелек, отсчитал по курсу рубль золотом за себя и четвертак за Михрютина, расписался, снова пересчитал деньги и подал спецу.

– Натее... Только условие, батенька: я сам на завод пойду. Все-таки свой глаз алмаз, а чужой – стеклышко.

Тетерькин долго еще бубнил себе под нос, потом принялся за счета. Но работать от волнения не мог.

Два месяца после того он не мог работать. Он, как тень, ходил за спецом, подкарауливал его в коридорах, интересовался, как идет подписка, кто сколько дал и где будут строить аэроплан.

Когда деньги были собраны и аэроплан заказан, счетовод Тетерькин, мрачно посмеиваясь, пошел на завод.

– Ну как, братцы? – спросил он рабочих. – Идет дело?

– А вам что? – спросил инженер.

– Как что? – удивился Тетерькин. – Я ухлопал деньги на аэроплан, а он спрашивает... Тут батенька, аэроплан у вас строится для учреждения... Мне посмотреть нужно.

Тетерькин долго ходил по залу, рассматривал материал, пробовал его даже зубами и качал головой.

– Вы уж того, братцы, – говорил он рабочим, – прочный стройте... Я – старая крыса, знаю вас... Все вы мошенники. Сделаете, а потом чего-нибудь этого... пропеллер не будет крутиться... Уж пожалуйста, я, так сказать, материально заинтересован.

Тетерькин обошел еще раз помещение, пообещал зайти и ушел.

Ходил он после того на завод ежедневно. Иногда успевал забежать два раза. Он спорил, ругался. Заставлял менять материал и иногда рассматривал чертежи в кабинете инженера.

– Послушайте, – сказал раз инженер, мучаясь своей деликатностью, – вы уж, пожалуйста, как бы сказать... Мы сделаем, не беспокойтесь... Не ходите зря... иначе мы должны отказаться от заказа. Вы, как представитель, сами понимаете...

– Позвольте, – сказал Тетерькин, – какой же я представитель? Выдумали тоже. Я частный человек. Ухлопал свои денежки на аэроплан...

– А, – закричал инженер, – не представитель! А сколько, чорт раздери, вы ухлопали?

– Сколько?.. Да рубль золотом я ухлопал.

– Как рубль? – испугался инженер, – рубль?

Инженер открыл стол и бросил Тетерькину деньги.

– Натё, чорт раздери вас, натё...

Тетерькин пожал плечами.

– Как вам угодно. Не хотите – не надо. Я не настаиваю. Я и в другом месте закажу. Я – старая крыса.

Тетерькин пересчитал деньги, спрятал в карман и ушел.

Потом вернулся.

– Еще за Михрютина... – сказал Тетерькин.

– За Михрютина?.. – дико заорал инженер. – За Михрютина, старая крыса?!

Тетерькин испуганно прикрыл дверь и торопливо пошел к выходу.

– Пропали денежки, – шептал Тетерькин. – Четвертак зажилил, прохвост... А еще инженер...

Спешное дело

Это будет рассказ про нэпмана. Которые пролетарии не хотят про это читать – пущай не читают. Мы не настаиваем! А только факт очень густой. И нельзя его

Опальные рассказы. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
обойти полным молчанием.

Произошло это в самые недавние дни.

Сидит, предположим, нэпман Егор Горбушкин на своей квартире. Утренний чай пьет. Масло, конечно, сыр, сахар горой насыпан. Чай земляничный. Родственники так и жрут эти продукты без устали. Нэпман Горбушкин тоже, конечно, от родственников не отстает – шамает. Под пищу, конечно, легкий разговор идет. Дескать, пожрем сейчас и пойдем ларек открывать. Надо, дескать торговлишкой оправдать, чего сожрали.

Вдруг, конечно, звонок происходит. На лестнице. Происходит звонок, и в квартиру входит обыкновенный человек и заявляет:

– Я – агент Гепеу. Не бойтесь! Который тут нэпман Егор Горбушкин – пуцай живо собирается и идет со мной. Вот мандат и повестка.

Отчаянно побледнел тут нэпман Горбушкин. Начал читать повестку. Да, действительно велют немедленно явиться по уголовному делу.

Встал нэпман из-за стола. Отчаянно трясется. Зубами ударяет.

– Только бы, – говорит, – не высшая мера. Высшую меру я, действительно, с трудом переносу. Остальное как-нибудь с божьей помощью.

Горячо попрощался нэпман со своими родственниками, всплакнул о превратностях судьбы, взял в узелок немного несъеденных продуктов и папирос три коробки и под общий плач отбыл.

Отбыл и, конечно, не является. И уже три часа дня ударяет – нету нэпмана.

Тут плач и рыданье происходит в квартире. Родственники приезжают совещаться.

Жена, мадам Горбушкина, сквозь рыданье произносит:

– Дескать, по какому делу влип мой супруг – еще пока неизвестно. Но одно ясно: какое-нибудь дело найдется. У каждого человека дела имеются, и каждый человек по краешку ходит. Но неужели же за это высшую меру могут сделать?

Брат нэпмана, Павел Горбушкин, говорит:

– На высшую меру я, – говорит, – не надеюсь. Но скорей всего в силу социального положения, как пить дать, конфискуют имущество. Это, – говорит, – уж прямо вот как верно. Предлагаю в виду этого ликвидировать имущество, а то, – говорит, – вдове жить будет нечем.

Начали, конечно, родственники в ударном порядке шкафы перетряхивать. Вытрусилы разные костюмы и одежду в кучу, начали продавать. Разные жильцы и торговцы сошлись. Тут же мебель запродали, пианино загнали за приличную сумму.

К вечеру, одним словом, продались. Начали даже квартиру сватать.

Оставила вдова с братом себе только боковую комнату, а остальную площадь сосватала с подходящими въездными.

Вдруг в семь часов вечера нэпман Горбушкин является. Веселенький и слегка под хмельком.

– Фу, – говорит, – пропасть какая! Я, – говорит, – думал, что высшая мера, а оно ничего похожего. Вызвали меня для одной справки. В роде как свидетелем. Я уж, – говорит, – дорогие родственнички, от превеликой радости в ресторации лишние полчаса просидел. Извиняюсь за тревожное волнение.

Тут, конечно, происходит немая сцена в проданной квартире.

Однако, нэпман Горбушкин ничуть даже не огорчился.

– Это, – говорит, – прямо даже очень великолепно, что запродались. Все мы по

Опальные рассказы. Михаил Михайлович Зощенко zoschenko1hai1.ru
краешку ходим. А оно без имущества много спокойней и благородней.

После небольшого фокстрота родственники осторожно разошлись по домам.

Остряк-самоучка

Вчера я проходил по Центральному рынку. Гуся к празднику покупал.

Народу уйма. Мясной ряд явно выглядел именинником. Длинные столы были завалены всякой требухой: бычьими печенками, селезенками и хвостами. И на всю эту дрянь, даже на телячьи хвосты, находился свой праздничный покупатель.

Покупатель рылся в требухе, подносил товар к носу, нюхал и яростно хаял продукты, понижая их стоимость и достоинство. Торговцы и торговки подмигивали покупателям, нечеловечески кричали и махали руками, приглашая взглянуть на «выдающий» товар.

Какая-то гражданка перебранивалась с торговкой.

– Эта-то печенка воняет? – возмущалась торговка. – Нос-то у тебя, милая, заложимши. Нос-то ослобони прежде... Потом и дыши на такую печенку. Это бычья первейшая печенка... Дура ты худая после этого. Не с твоим носом такую печенку нюхать...

Гражданка уже поставила корзинку возле себя, рассчитывая дать достойную отповедь зарвавшейся торговке, но в эту минуту у стола появился высокий курчавый парень со сдвинутым на затылок картузом. За парнем почтительно следовали два шкета, хихикая и потирая руки.

Парень остановился у стола, скучным и серьезным взглядом посмотрел на требуху, подмигнул торговке и сказал громко:

– Да бросьте вы у ей, граждане, покупать. Не видите, что ли? Мужа она своего старого убила, на куски разрубила и к празднику продает остатки...

Кто-то захихикал. Кто-то с сердцем сплюнул в сторону.

Покупательница растерянно посмотрела на парня и отошла от стола, бормоча что-то. Торговка налилась кровью, с диким изумлением взглянула на парня и разразилась ужасающей бранью.

Парень передернул плечами и, строгий в своей выдумке, пошел дальше. Два шкета, хрюкая от сдавленного смеха, двинулись за ним. Парень прошел несколько шагов и остановился перед круглой корзиной со свинными окороками, лапами и кусками морды.

Покупатели рылись и в этой корзине.

Торговец польщенный вниманием потребителя, тонко выкрикивал:

– Кому надо, кому не надо... Кому что, кому ничего!..

Парень посмотрел в корзину и громко сказал:

– Да бросьте вы, граждане, у его покупать! Не видите, что ли? Жену старую убил, на куски разрубил и продает остатки.

Снова кто-то захохотал. Кто-то сконфуженно крикнул.

Торговец всплеснул руками, оглянулся на покупателя, как бы ища защиты, но ничего не сказал.

А парень двинулся дальше. Я пошел за ним следом, позабыв про гуся.

Парень обошел весь рынок со своей шуткой и, строгий, не улыбающийся, удалился восвояси. За ним следовали два шкета, буквально давясь от смеха.

Узел

Воровство, милые мои, это – цельная и огромная наука. В наше время, сами понимаете, ничего не сопрешь так вот, здорово живешь. В наше время громадная

Опальные рассказы. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
фантазия требуется.

Главная причина – публика очень осторожная стала. Публика такая, что всегда стоит на страже своих интересов. Одним словом, вот как бережет свое имущество. Пуще глаза.

– Глаз, – говорят, – всегда по страхкарточке восстановить можно. Имущество же никоим образом при нашей бедности не вернешь.

И это действительно верно.

По этой причине вор нынче пошел очень башковитый, с особенным умозрением и с выдающейся фантазией. Иначе ему с таким народом не прокормиться.

Да вот, для примера, нынче осенью опутали одну знакомую мою – бабушку Анисью Петрову. И ведь какую бабушку опутали! Эта бабушка сама очень просто может любого опутать. И вот подите же – уперли у ней узел, можно сказать, прямо из-под сидушки.

А уперли, конечно, с фантазией и замыслом. А сидит бабушка на вокзале. Во Пскове. На собственном узле. Ожидает поезда. А поезд в 12 часов ночи ходит.

Вот бабушка с утра пораньше и приперлась на вокзал. Села на собственный узел. И сидит. И ничем не сходит. Потому пугается сходить. Не замели бы, полагает, узел.

Сидит и сидит бабушка. Тут же на узле шамает и водицу пьет, – подает ей Христа ради прохожие. А по остальным мелким делишкам, – ну, мало ли – помыться или побриться, – не идет бабушка – терпит. Потому узел у ней очень огромный, ни в какую дверь вместе с ней не влазит по причине размеров. А оставить, я говорю, боязно.

Так вот сидит бабушка и дремлет.

– Со мной, – думает, – вместе узел не сопрут. Не таковская я старуха. Сплю я довольно чутко – проснусь.

Начала дремать наша божья старушка. Только слышит сквозь дремоту, будто кто-то ее коленом пихает в морду. Раз, потом другой раз, потом третий раз.

– Ишь ты, как задевают! – думает старуха. – Неаккуратно как народ ходит.

Протерла бабушка свои очи, хрюкнула и вдруг видит будто какой-то посторонний мужчина проходит мимо нее и вынимает из кармана платок. Вынимает он платок и с платком вместе нечаянно вываливает на пол зеленую трешку.

То есть ужас как обрадовалась бабушка. Плюхнулась, конечно дело, вслед за трешкой, придавила ее ногой, после наклонилась незаметно – будто господу богу молится и просит его подать поскорей поезд. А сама, конечно дело, трешку в лапу и обратно к своему добру.

Тут, конечно, грустновато рассказывать, но когда обернулась бабушка, то узла своего не нашла. А трешка, между прочим, оказалась грубо фальшивая. И была она кинута на предмет того, чтобы бабушка сошла бы со своего узла.

Эту трешку с трудом бабушка продала за полтора целковых.

Мещанский уклон

Этот случай окончательно может доканать человека. Василия Тарасовича Растопыркина, – Васю Растопыркина, этого чистого пролетария, беспартийного чорт знает с какого года, – выкинули давеча с трамвайной площадки.

Больше того – мордой его трахнули об трамвайную медную полустойку. Он был ухвативши за нее двумя руками и головой и долго не отцеплялся. А его милиция и обер стрелочник стягивали. Стягивали его вниз по просьбе мещански настроенных пассажиров.

Конечно, слов нет, одет был Василий Тарасович не во фраке. Ему, знаете, нету времени фраки и манжетки на грудь надевать. Он, может, в 5 часов шабашит и сразу

Опальные рассказы. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
домой прет. Он, может, маляр. Он, может, действительно, как собака грязный едет. Может, краски и другие предметы ему льются на костюм во время профессии. Может, он от этого морально устает и ходить пешком ему трудно. И не может он, ввиду скромной зарплаты, автомобиля себе нанимать для разъездов и приездов. Ему автомобилю – не по карману. Ему бы на трамвае проехаться – и то хлеб. Ой, до чего дожили, до чего докатились!

А пошабашил Василий Тарасович в 5 часов. В 5 часов он пошабашил, взял, конечно, на плечи стремянку и ведрышко с остатней краской и пошел себе к дому.

Пошел себе к дому и думает:

– Цельный день, думает, лазю по стремянкам и разноцветную краску на себя напущаю и не могу идтить пешком. Дай, – думает, – сяду на трамвай, как уставший пролетарий.

Тут, конечно, останавливается перед ним трамвай № 6. Василий Тарасович просит, конечно, одного пассажира поддержать в руке ведрышко с остатней краской, а сам, конечно, становится на площадку стремянку.

Конечно, слов нет, стремянка не была сплошной чистоты – не блестела. И в ведрышко – раз в нем краска – нельзя свои пальты окунать. И которая дама сунула туда руку – сама, дьявол ее задави, виновата. Не суй рук в чужие предметы!

Но это все так, с этим мы не спорим: может, Василий Тарасович, действительно верно, не по закону поступил, что со стремянкой ехал.

Речь – не об этом. Речь – о костюме. Нэпманы, сидящие в трамвае, решительно взбунтовались как-раз именно насчет костюма.

– То-есть, – говорят, – не можно к нему прикоснуться совершенно, то есть, отпечатки бывают.

Василий Тарасович резонно отвечает:

– Очень, – говорит, – то есть, понятно, – раз масляная краска на олифе, то отпечатки завсегда случаются. Было бы, – говорит, – смертельно удивительно, если бы без отпечатков.

Тут, конечно, одна нэпманша из кондукторов трезвонит, конечно, во все свои звонки и вагон останавливает. Останавливает вагон и хамским голосом просит сойти Василия Тарасовича.

Василий Тарасович говорит:

– Трамвай для публики, или публика для трамвая, – это же, – говорит, – понимать надо. А я, – говорит, – может, в 5 часов шашу. Может, я маляр?

Тут, конечно, происходит печальная сцена с милицией и обер-стрелочником. И кустаря-пролетария Василия Тарасовича Растопыркина сымают, как сукинова сына, с трамвайной площадки, мордой задевают об полустойку и высаживают.

Ой, до чего докатились!

Театр для себя

Время-то как быстро бежит. Недавно еще лето было, а теперь вроде как зима. Ходят в шубах. И в театрах зимние сезоны начались. А интересно, какие убытки понесут театры в этом зимнем сезоне?

Летние убытки только-только сейчас подсчитываются. Летний сезончик не был выдающимся. Которые товарищи актеры приезжают из провинции, те все зубами скрипят.

– Прямо, – говорят, – для себя играли – нема никакой публики. Или, может быть, зритель малокультурный, или другие какие причины, а только не идет. Зимой еще ничего – ходят, а летом – ни в какую. Прямо хоть за ногу волоки зрителя.

А зритель, это верно, летом предпочитает легкие и недорогие увеселения –

Опальные рассказы. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
полежать брюхом вверх на солнышке, или выкупаться на шермака в реченке, или, наконец, нарвать полевых цветов и нюхать даром. Вот какой пошел зритель. И с чего бы это он так?

В одном небольшом городе сущая срамота произошла на этой почве.

А приехала туда небольшая труппа. Начала, конечно, эта труппа сгоряча драму играть. Играют драму, а публика не идет на драму. Свернулась труппа и – назад.

Сунулся в этот город другой небольшой коллективчик. Администратор этого коллективчика говорит:

– Не такой это, товарищи, город, чтоб тут драму играть. Тут надо легкие, смешные штуки ставить.

Начали они ставить легкие штуки – опять не идет публика. Три раза поставили. Рубля три с полтиной выручили и поскорей из этого странного города.

Начались в актерских кругах брожения и разговоры: как и чем привлечь публику. И не пойдет ли эта публика, как вы думаете, на оперетту?

Рванулась туда оперетта. Поставили музыкальную оперетту с отчаянной пляской. Человек 8 пришло. А как пришло – неизвестно. Кассир клялся и божился, что ни одного билета не было продано.

Опереточный премьер сказал:

– В этот город циркачам только и ехать. Высокое искусство здесь ни к чему.

Дошли эти симпатичные слухи до цирка. Директор говорит:

– Надо ехать. Цирк – это самое демократическое искусство. Этому городу как раз угодим.

Поехали. Действительно, народ несколько погуще пришел. Прямо старожилы не запомнят такого количества, – человек тридцать было на первом представлении. На втором чуть поменьше.

Подсчитал цирк убытки и – ходу.

А на вокзале, перед самой посадкой, произошла задержка. Несметная толпа собралась провожать циркачей. Тысяч восемь приперлось народу. Качали всех актеров и всех зверей. Верблюду челюсть вывихнули во время качки.

После делегация от текстильщиков и металлистов подошла к директору и стала нежно упрашивать:

– Нельзя ли, мол, по бесплатной цене тут же под открытым небом, на вольном воздухе, на перроне, устроить небольшую цирковую программу из трех-четырех «номерей».

Но тут, к сожалению, произошел третий звонок. Сели циркачи по вагонам, грустно развели руками и уехали.

Так никто и не узнал, отчего и почему самое демократическое искусство уехало тоже с убытком.

Народ малокультурный, что ли? Или, может быть, деньжонок нехватка. Ась?

Гибель человека

Кончено. Баста! Никакой жалости к людям не осталось в моем сердце.

Вчера еще до шести часов вечера сочувствовал и уважал людей, а нынче не могу, ребятишки. До последней точки докатилась людская неблагодарность.

Вчера, извольте видеть, за мою жалость к ближнему человеку отчаянно пострадал и, может, даже предстану перед народным судом в ближайшем будущем.

Опальные рассказы. Михаил Михайлович Зощенко zoschenko1911.ru
Баста. Зачерствело мое сердце. Пушай ближние больше на меня не рассчитывают.

А шел я вчера по улице. Иду я вчера по улице и вижу – народ будто стоит, скопившись подле ворот. И кто-то отчаянно охает. И кто-то руками трясет. И вообще вижу – происшествие. Подхожу. Спрашиваю об чем шум.

– Да вот, – говорят, – тут ногу сломал один гражданин. Идти теперь не может.

– Да уж, – говорю, – тут не до ходьбы.

Растолкал я публику и подхожу ближе к месту действия. И вижу – какой-то человечешко действительно лежит на плитуаре. Морда у него отчаянно белая и нога в брюке сломана. И лежит он, сердечный друг, упершись башкой в самую тумбу и бормочет:

– Мол, довольно склизко, граждане, извиняюсь. Шел и упал, конечно. Нога – вещь непрочная. Сердце у меня горячее, жалости к людям много и вообще не могу видеть гибель человека на улице.

– Братцы, – говорю, – да может, он член союза. Надо же предпринять тем не менее.

И сам, конечно, бросаюсь в телефонную будку. Вызываю скорую помощь. Говорю: нога сломана у человека, поторопитесь по адресу.

Приезжает карета. В белых балахонах сходят отседа четыре врача. Разгоняют публику и укладывают пострадавшего человека на носилки.

Между прочим, вижу – этот человек совершенно не желает, чтобы его положили на носилки. Пихает всех четырех врачей остатней, здоровой ногой и до себя не допускает.

– Пошли вы, – говорит, – все четыре врача туда-сюда. Я, – говорит, – может, домой тороплюсь.

И сам чуть, знаете, не плачет.

– Что, – думаю, – за смятение ума у человека.

И вдруг произошло некоторое замешательство. И вдруг слышу – меня кличут.

– Это, – говорят, – дядя, ты вызывал карету скорой помощи?

– Я, – говорю.

– Ну, так, – говорят, – придется тебе через это отвечать по всей строгости революционных законов. Потому как зря карету вызвал – у гражданина искусственная нога обломилась.

Записали мою фамилию и отбыли.

И чтобы я после этого факта еще расстраивал свое благородное сердце – ни в жисть! Пушай убивают на моих глазах человека – ни по чем не поверю. Потому – может, для киносъемки его убивают.

И вообще ничему теперь не верю, – время такое невероятное.

Прелести культуры
Всегда я симпатизировал центральным убеждениям.

Даже вот, когда в эпоху военного коммунизма нэп вводили, я не протестовал. Нэп – так нэп. Вам видней.

Но между прочим, при введении нэпа сердце у меня отчаянно сжималось. Я как бы предчувствовал некоторые резкие перемены.

И, действительно, при военном коммунизме куда как было свободней в отношении культуры и цивилизации. Скажем, в театре можно было свободно даже не раздеваться – сиди в чем пришел. Это было достижение.

А вопрос культуры – это собачий вопрос. Хотя бы насчет того же раздевания в театре. Конечно, слов нету, без пальто публика выгодней отличается – красивой и элегантней. Но что хорошо в буржуазных странах, то у нас иногда выходит боком.

Товарищ Локтев и его дама Ньюша Кошелькова на днях встретили меня на улице. Я гулял или, может быть, шел горло промочить – не помню.

Встречают и уговаривают.

– Горло, – говорят, – Василий Митрофанович, от вас не убежит. Горло завсегда при вас, завсегда его прополоскать успеете. Идемте лучше сегодня в театр. Спектакль – «Грелка».

И, одним словом, уговорили меня пойти в театр – провести культурно вечер.

Пришли мы, конечно, в театр. Взяли, конечно, билеты по рубль тридцать. Поднялись по лестнице. Вдруг назад кличут. Велят раздеваться.

– Пальта, – говорят, – сымайте.

Локтев, конечно, с дамой моментально скинули пальта. А я, конечно, стою в раздумьи. Пальто у меня было в тот вечер прямо на ночную рубашку надето. Пиджака не было. И чувствую, братцы мои, сымать как-то неловко. Прямо, думаю, срамота может сейчас произойти. Главное – рубаха нельзя сказать, что грязная. Рубаха не особо грязная. Но, конечно, грубая, ночная. Шинельная пуговица, конечно, на вороте пришита крупная. Срамота, думаю, с такой крупной пуговицей в фойе идти.

Я говорю своим:

– Прямо, – говорю, – товарищи, не знаю, чего и делать. Я сегодня одет неважно. Неловко как-то мне пальто сымать. Все-таки подтяжки там и сорочка опять же грубая.

Товарищ Локтев говорит:

– Ну, покажись.

Расстегнулся я. Показываюсь.

– Да, – говорит, – действительно видик...

Дама тоже, конечно, посмотрела и говорит:

– Я, – говорит, – лучше домой пойду. Я, – говорит, – не могу, чтоб кавалеры в одних рубахах рядом со мной ходили. Вы бы, – говорит, – еще подштанники поверх штанов пристегнули. Довольно, – говорит, – вам неловко в таком отвлеченном виде в театры ходить.

Я говорю:

– Я не знал, что я в театры хожу, – дура какая. Я. может, пиджаки редко надеваю. Может, я их берегу, – что тогда?

Стали мы думать, чего делать. Локтев, собака, говорит:

– Вот чего. Я, – говорит, – Василий Митрофанович, сейчас тебе свою жилетку дам. Одевай мою жилетку и ходи в ней, будто тебе все время в пиджаке жарко.

Расстегнул он свой пиджачек, стал щупать и шарить внутри себя.

– Ой, – говорит, – мать честная, я, – говорит, – сам сегодня не при жилетке. Я, – говорит, – тебе лучше сейчас галстук дам, все-таки поприличней. Привяжи на шею и ходи, будто тебе жарко.

Дама говорит:

– Лучше, – говорит, я, – ей-богу, домой пойду. Мне, – говорит, – дома как-то

Опальные рассказы. Михаил Михайлович Зощенко zoschenko1.ru
спокойней и постирушка ждет. А то, – говорит, – один кавалер чуть не в
подтанниках, а у другого галстук вместо пиджака. Пущай, – говорит, – Василий
Митрофанович в пальто попросит пойти.

Просим и умоляем, показываем союзные книжки – не пушают.

– Это, – говорят, – не 19 год в пальто сидеть.

– Ну, – говорю, – ничего не пропишешь. Кажись, братцы, надо домой ползти.

Но как подумаю, что рубль тридцать заплачено, не могу идти – ноги не идут к
выходу.

Локтев, собака, говорит:

– Вот чего. Ты, – говорит, – подтяжки отстегни, – пущай их дама понесет вместо
сумочки. А сам валяй как есть: будто у тебя это летняя рубашка «апаш» и тебе,
одним словом, в ней все время жарко.

Дама говорит:

– Я подтяжки не понесу, как хотите. Я, – говорит, – не для того в театры хожу,
чтоб мужские предметы в руках носить. Пущай Василий Митрофанович сам несет или в
карман себе сунет.

Раздеваю пальто. Стою в рубашке, как сукин сын.

А холод довольно собачий. Дрожу и прямо зубами лязгаю. А кругом публика смотрит.

Дама отвечает:

– Скорей вы, подлец этакий, отстегивайте помочи. Народ же кругом ходит. Ой,
ей-богу, лучше я домой сейчас пойду.

А мне скоро тоже не отстегнуть. Мне холодно. У меня, может, пальцы не слушаются
– сразу отстегивать. Я упражнения руками делаю.

После приводим себя в порядок и садимся в места.

Первый акт проходит хорошо. Только что холодно. Я весь акт гимнастикой
занимался.

Вдруг в антракте задние соседи скандал поднимают. Зовут администрацию. Объясняют
насчет меня.

– Дамам, – говорят, – противно на ночные рубашки глядеть. Это, – говорят, – их
шокирует. Кроме того, – говорят, – он все время вертится, как сукин сын.

Я говорю:

– Я верчусь от холода. Посидите-ка сами в одной рубахе. А я, – говорю, – братцы,
и сам не рад. Что же сделать?

Волокут меня, конечно, в контору. Записывают все как есть.

После отпускают.

– А теперь, – говорят, – придется трешку по суду отдать.

Вот гадость-то! Прямо не угадаешь, откуда неприятности...

Монтер

Я, ребяташки, зря спорить не буду – кто важней в театре: актер, режиссер или,
может быть, театральный плотник. Факты покажут. Факты всегда сами за себя
говорят.

Дело это произошло в Саратове или в Симбирске, одним словом, где-то недалеко от
Туркестана, в городском театре. Играли в этом городском театре оперу. Кроме

Опальные рассказы. Михаил Михайлович Зощенко zoschenko1hai1.ru
выдающейся игры артистов был в этом театре, между прочим, монтер – Иван Кузьмич Мякишев.

На общей группе, когда весь театр снимали на карточку, монтера этого пихнули куда-то сбоку, – мол, технический персонал. А в центр на стул со спинкой посадили тенора.

Монтер Иван Кузьмич Мякишев ничего на это хамство не сказал, но затаил в душе некоторую грубость.

А тут такое подошло. Сегодня, для примера, играют «Руслана и Людмилу». Музыка Глинки. Дирижер – Кацман. А без четверти минут восемь являются до этого монтера две знакомые ему барышни. Или он их раньше пригласил, или они сами приперлись – неизвестно. Так являются эти барышни, отчаянно флиртуют и вообще просят их посадить в общую залу – посмотреть на спектакль.

Монтер говорит:

– Да ради бога, медам. Сейчас я вам пару билетов сварганю – будьте уверены. Посидите тут у будки.

И сам, конечно, к управляющему.

Управляющий говорит:

– Сегодня вроде как суббота. Народу пропасть. Каждый стул на учете. Не могу.

Монтер говорит:

– Ах, так! – говорит. – Ну, так я играть отказываюсь, одним словом, отказываюсь освещать ваше производство. Играйте без меня. Посмотрим тогда, кто из нас важнее и кого сбоку сымать, а кого в центр сажать!

И сам обратно в будку. Выключил по всему театру свет к чортовой бабушке, замкнул на ключ будку и сидит – отчаянно флиртует.

Тут произошла, конечно, форменная абструкция. Управляющий бегаёт. Публика орёт. Кассир визжит, пугается, как бы у него деньги в темноте не уперли. А бродяга, главный оперный тенор, привыкший сыматься в центре, заявляется до дирекции и говорит своим тенором:

– Я в темноте петь тенором отказываюсь. Раз, – говорит, – темно – я ухожу. Мне, – говорит, – голос себе дороже. Пушай, сукин сын, монтер поет.

Монтер говорит:

– Пушай не поет. Наплевать ему в морду. Раз он, сволочь такая, в центре сымается, то и пушай одной рукой поет, другой свет зажигает. Дерьмо какое нашлось. Думает тенор, так ему и свети все время. Теноров нынче нету.

Тут, конечно, монтер схлеснулся с тенором.

Вдруг управляющий является, говорит:

– Где эти чертовы две девицы? Через их полная гибель. Сейчас я их куда-нибудь посажу, корова их забодай.

Монтер говорит:

– Вот они. Только не через их гибель и не через тенора, а гибель через меня. Сейчас, – говорит, – я свет дам. Мне энергии принципиально не жалко.

Дал он сию минуту свет.

– Начинайте, – говорит.

Сажает тогда его девиц на выдающиеся места и начинают спектакль.

Опальные рассказы. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
Теперь и разбирайтесь, кто важнее в этом сложном театральном механизме.

Доктор медицины

Это маленькое незаметное происшествие случилось на станции «Ряжи». Там наш поезд остановился минут на десять, поджидая встречного.

Вот наш поезд остановился. Посыпалась, конечно, публика в вагоны. А среди них, семена ножками, видим, протискивается один такой немолодой уже гражданин с мешком за плечами.

Это был такой довольно затюканный интеллигентик. Такие у него были усишки висячие, как у Максима Горького. Кожица на лице такая тусклая. Ну, сразу видать – человек незнаком с физкультурой и вообще, видать, редко посещает общие собрания.

Вот он спешит по платформе к вагону. А на спине у него довольно-таки изрядный мешок болтается. И чего в этом мешке – пока неизвестно. Но поскольку человек спешит из деревенского района, то можно заключить, что в мешке не еловые шишки лежат, а пшеница, или там сало, или, скорей всего, мука, поскольку с мешка сыплется именно эта самая продукция.

Помощник дежурного по станции оглядел вверенных ему пассажиров и вдруг видит такой прискорбный факт – мешочник. Вот он мигнул агенту, – мол, обратите внимание на этого субъекта. И, поскольку в связи с уборкой урожая, спекулянты и мешочники закопошились и начали хлеб вывозить, так вот – не угодно ли – опять факт налицо.

Агент дежурному говорит:

– То есть наглость этих господ совершенно не поддается описанию. Каждый день сорок или пятьдесят спекулянтов вывозят отсюда драгоценное зерно. То есть на это больно глядеть.

Тем временем наш интеллигентик покрякивая взобрался в вагон со своим товаром. Сел и, как ни в чем не бывало, засунул свой мешок под лавку. И делает вид, что все спокойно, он, изволите видеть, в Москву едет.

Дежурный агенту говорит:

– Позвольте, позвольте, я где-то этого старикана видел. Ну да, – говорит, – я его тут на прошлой неделе видел. Он, – говорит, – по платформе колбасился и какие-то мешки и корзинки в вагон нагружал.

Агент говорит:

– Тогда надо у него удостоверение личности потребовать и поглядеть его поклажу.

Вот агент с дежурным по станции взошли в вагон и обращаются до этого интеллигента: мол, будьте добры, прихватите свой мешочек и будьте любезны за нами следовать.

Пассажир, конечно, побледнел, как полотно. Начал чего-то такое лопотать, за свой карманчик хвататься.

– Позвольте, – говорит, – в чем дело? Я в Москву еду. Вот мои документы. Я есть доктор медицины.

Агент говорит:

– Все мы доктора! Тем не менее, – говорит, – будьте любезны без лишних рассуждений о высоких материях слезть с вагона и проследовать за нами в дежурную комнату.

Интеллигент говорит:

– Но, позвольте, – говорит, – скорей всего поезд сейчас тронется. Я запоздать могу.

Опальные рассказы. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
Дежурный по станции говорит:

– Поезд еще не сейчас тронется. Но на этот счет вам не приходится беспокоиться. Тем более, у вас, скорей всего, мало будет шансов ехать именно с этим поездом.

Начал наш пассажир тяжело дышать, за сердечико свое братья, пульс щупать. После видит – надо исполнять приказание. Вынул из-под лавки мешок, нагрузил на свои плечики и последовал за дежурным.

Вот пришли они в дежурную комнату.

Агент говорит:

– Не успели, знаете, урожай собрать, как эти форменные гады обратно закопошились и мешками вывозят ценную продукцию. Вот шлепнуть бы, – говорит, – одного, другого, и тогда это начисто загложнет. Ну те, – говорит, – развяжи мешок и покажи, чего там у тебя внутри напихано.

Интеллигент говорит:

– Тогда, – говорит, – сами развязывайте. Я вам не мальчик мешки расшнуровывать. Я, – говорит, – из деревни еду и мне, – говорит, – удивительно глядеть, чего вы ко мне прилипаете.

Развязали мешок. Развернули. Видят, поверх всего каравай хлеба лежит.

Агент говорит:

– Ах, вот, – говорит, – какой ты есть врач медицины. Врач медицины, а у самого хлеб в мешках понапихан. Очень великолепно! Вытрясите весь мешок!

Вытряхнули из мешка всю продукцию, глядят – ничего такого нету. Вот бельишко, докторские подштанники. Вот пикейное одеяльце. В одеяльце завернут ящик с разными докторскими щипцами, штучками и чертовщинками. Вот еще пара научных книг. И больше ничего.

Оба два администратора начали весьма извиняться. Мол, очень извините и все такое. Сейчас мы вам обратно все в мешок запихаем и, будьте любезны, поезжайте со спокойной совестью.

Доктор медицины говорит:

– Мне, – говорит, – все это очень оскорбительно. И поскольку я послан с ударной бригадой в колхоз, как доктор медицины, то мне, – говорит, – просто неинтересно видеть, как меня спихивают с вагона чуть не под колесья и роятся в моем гардеробе

Дежурный, услышав про колхоз и ударную бригаду, прямо даже затрясся всем телом и начал интеллигенту беспрестанно кланяться. Мол будьте так добры, извините. Прямо это такое печальное недоразумение. Тем более, нас мешок ввел в заблуждение.

Доктор говорит:

– Что касается мешка, то мне, – говорит, – его крестьяне дали, поскольку моя жена, другой врач медицины, выехала из колхоза в Москву с чемоданом, а меня, – говорит, – еще на неделю задержали по случаю эпидемии острожелудочных заболеваний. А жену, – говорит, – может быть, помните, на прошлой неделе провожал и помогал ей предметы в вагон носить.

Дежурный говорит:

– Да, да, я чего-то такое вспоминаю.

Тут агент с дежурным поскорей запихали в мешок чего вытряхнули, сами донесли мешок до вагона, расчистили место интеллигенту, прислонили его к самой стеночке, чтоб он, утомленный событиями, боже сохрани, не скovyрнулся во время движения, пожали ему благородную ручку и опять стали сердечно извиняться.

Опальные рассказы. Михаил Михайлович Зощенко zoschenko1.ru
– Прямо, – говорят, – мы и сами не рады, что вас схватили. Тем более, человек едет в колхоз, лечит, беспокоится, лишний месяц задерживается по случаю желудочных заболеваний, а тут наряду с этим такое неосмотрительное канальство с нашей стороны. Очень, – говорят, – сердечно извините!

Доктор говорит:

– Да уж ладно, чего там! Пущай только поезд поскорей тронется, а то у меня на вашем полустанке голова закружилась.

Дежурный с агентом почтительно поклонились и вышли из вагона, рассуждая о том, что, конечно, и среди этой классовой прослойки – не все сукины дети. А вот некоторые, не щадя своих знаний, едут во все места и отдают свои научные силы народу.

Вскоре после этого наш поезд тронулся. Да перед тем как тронуться, дежурный лично смотался на станцию, приволок пару газет и подал их бесплатно интеллигенту.

– Вот, – говорит, – почитайте в пути, неравно заскучаете.

И тут раздался свисток, гудок, дежурный с агентом взяли под козырек и наш поезд самосильно пошел.

Лялька Пятьдесят

I

И какой такой чудак сказал, что в Питере жить плохо? Замечательно жить. Нигде нет такого веселья, как в Питере. Только были бы денежки. А без денег... Это точно, что пропадешь без денег. И когда же придет такое великолепное время, что человеку все будет бесплатно?

По вечерам на Невском гуляют люди. И не так чтобы прогулкой, а на углу постоят, полюбопытствуют на девочек, пройдут по-весеннему – танцуют ноги, и на угол снова... И на каждый случай нужны денежки. На каждый случай особый денежный расчет...

– Эх, подходи, фартовый мальчик, подходи! Угощай папиросочкой...

Не подойдет Максим. У Максима дельце есть на прицеле. Ровнехонько складывается в голове, как и что. Как начать и себя как повести. У Максима замечательное дельце. Опасное. Не засыпется Максим – холодок аж по коже – в гору пойдет. Разбогатеет это ужасно как. Ляльку Пятьдесят к себе возьмет. Вот как. И возьмет.

Очень уж замечательная эта Лялька Пятьдесят. Деньги она обожает – даст Максим ей денег. Не жалко. Денег ей много нужно – верно. Такой-то не мало денег нужно. Ковер, пожалуйста, на стене, коврище на полу, а в белой клетке – тропическая птица попугай. Сахар жрет... Хе-хе...

Конешно, нужны денежки. Нужны, пока не пришло человеку бесплатное время. А Лялька Пятьдесят легка на помине. Идет – каблучками постукивает.

– Здравствуй, Ляля Пятьдесят... Каково живешь? Не узнала, милая?

Узнала Лялька. Как не узнать – шпана известная... Только корысти-то нет от разговоров. У Ляльки дорога к Невскому, а у Максима, может, в другую сторону.

Нелюбезная сегодня Лялька. В приятной беседе нет ей удовольствия. Не надо.

Подошел Максимка близко к ней, в ясные глазки посмотрел.

– Приду, – сказал, – к тебе вечером. С большими деньгами. Жди – поджидай.

Улыбнулась, засмеялась Лялька, да не поверила. Дескать, врет шпана. И зачем такое врет? Непонятно.

Но, прощаясь, на всякий случай, за ручку подержалась.

Пошел Максим на Николаевскую, постоял у нужного дома, а в голове дельце все в

Опальные рассказы. Михаил Михайлович Зощенко zoschenko1hai1.ru тонкостях. Отпусти, скажет, бабка Авдотья, товарцу на десять косых. Отпустит бабка, а там как по маслу. Не будет никакого заскока. А заскока не будет – так придет Максимка к Ляльке Пятьдесят. Выложит денежки... «Бери, – скажет, – пожалуйста. Не имею к деньгам пристрастия. Бери пачечку за поцелуй».

А Лялька в это время вышла к Невскому, постояла на углу, покачала бедрами, потопала ножками, будто чечетку пляшет, и сразу заимела китайского богача. Смешно, конечно, что китайского ходю. Любопытно даже. Да только по-русски китаец говорит замечательно.

– Пойду, – говорит, – к тебе, красивая.

II

Написано мелом на дверях: «портной». Да только нет здесь никакого портного. И никогда и не было. А живет здесь Авдотья-спекулянтка. У ней закрытое мелочное заведение. Она и написала мелом на дверях для отвода глаз.

К этой-то бабке Авдотье и пошел Максим.

В дверь, где мелом «портной» сказано, постучал условно. А когда открыли ему дверь – так сразу покосился весь Максимкин план.

Не Авдотья, а муж бабки Авдотьи стоял перед Максимом.

Шагнул Максим за порог, лопочет непонятное. Сам соображает, как и что. Покосился план, да и только. Не вовремя приехал чортов муж...

Говорит Максимка глупые слова:

– Отпусти, – говорит, – бабка Авдотья, на десять косых...

Усмехнулся бабкин муж и в комнату пошел. А Максим за ним.

Бабкин муж веса ставит, а Максимка примеряет: как и что. Да только покосился план, мыслимо ли сразу лазеечку найти.

А бабкин муж интересуется:

– Какого же тебе товарцу, кавалер?

– Разного товарцу отпусти...

– Из кисленького, может быть, – интересуется, – капусточки?

– Из кисленького, бабка Авдотья.

Стал тут бабкин муж капусту класть из кадочки, а Максим метнул сюда-туда глазом. Максим схватил гирьку и трехфунтовой гирькой тукнул по голове бабкиного мужа.

Рухнул бабкин муж у кадочки. В руке вилка. На вилке капуста.

А Максим к прилавку. На прилавке – ящик с деньгами. Шарит Максим – в пальцах дрожь. Вытащил деньги, да маловато денег. Где же такое – денежки? Роет Максим по комнате – нету денег. А в руки все ненужное лезет, – гребенка, например, или блюдечко.

– Тьфу, бес, – где же денежки?

А в дверь на лестнице кто-то постучал условно.

Прикрыл Максим бабкиного мужа рогожкой. И к двери подошел. Слушает. Открыть, не открыть? Открою.

Сердце успокоил и дверь открыл.

Малюсенький вошел старичок и тоненько сказал:

– Бабку бы Авдотью мне...

А Максим старичку такое:

– Нету, старичок, Авдотьи. Иди себе с богом. Иди, сделай милость.

Сказал это и видит: гирька трехфунтовая в руке. Испугался Максим, что старичок гирьку заметит, пихает ее в карман, прячет гирьку-то, а старичок бочком, бочком и протискался тем временем в комнату.

– Подожду, – говорит, – бабку Авдотью. У бабки Авдотьи славная картошечка... Э, да у ней и капуста, наверное, славная. Да. Ей-богу, славная капуста...

И такой говорун, научный старичок, Максимке бы с мыслями собраться, а старичок такое:

– Ну, хорошо, человеку все бесплатно... Согласен. Да только, на мой научный взгляд, общественное питание – это уж, извините, это сущий вздор и совершенно ложные слова. На все согласен, а тут уж к бабке Авдотье пойду. Не могу... Извините... Я, скажем, головой поработал – рыбки захотел: фосфор в рыбе. Ты языком поболтал – молочную тебе диету... А вы говорите – общественное питание. Из корыта... Да-с, молодой человек, на все соглашусь, а уж бабку-то Авдотью мне оставьте... Совершенно ложные слова.

– Да я ничего, – оробел Максимка.

И в коридор вышел. А там на лестницу, да по лестнице да вниз через три ступеньки.

На улицу вышел, нащупал деньги в кармане.

– Эх, мало денег! Где ж такое были денежки? И пошел покачиваясь.

III

– Эй, подходи, фартовый мальчик, подходи!

– Угощай папиросочкой...

Не полюбопытствовал Максим на девочек. Встал Максим на углу и к окну прислонился. Убить не убил человека и по голове ведь не шибко ткнул, да человеку вредно, человека жаль...

Постоял Максим и подумал, а мысли-то уж все веселые идут. Глядит Максим королем на всех. Глазами ищет Ляльку Пятьдесят. Да нету Лялечки.

А на углу белокуренькая папиросочкой дымит и Максиму улыбается. На ней высокие сапожки до колен и шелковая юбочка фру-фру... Повернется – шумит и засмеется – шумит. Зашумела и без слова к Максиму подошла. Подошла и тихо за руку взяла. Да вдруг как зашумело все, затопало.

– Облава, дамочки, – вскричала белокуренькая и от Максима в сторону, в железные ворота.

За белокуренькой шагнул Максим, а на Максима человек. Весь в шпорах. Шпорами брэнчит, саблей стучит, а в руке пятизарядный шпаллер.

Задрожал Максим и пустился бежать.

И бежит и бежит Максим. Гремит сердце. Через Лиговку бежит – на него забор. Максим через забор, а в ноги кучи. Через кучи Максим... Пробежал еще и свалился в грязь. Да не сам свалился.

– Подножка, – сказал Максим и потрогал денежки.

А на Максима Черный вдруг насел. И мало того, что насел, а еще и душит.

– Пусти, – хрипло сказал Максим, – пусти... дышать трудно.

И Черный отпустил его слегка.

Сидит Черный на Максимке и разговаривает:

– Бежит, вижу, человек по кучам. Стой, думаю. Даром не побежит. Спасибо... Либо вор, либо от вора... Даешь денежки.

А сам уж по карманам шарит. Ох, вытащил пачечку. Ох, вытащил другую. Ох, опять душил сатана.

– А это что?

– Гирька, – сказал Максим и вспомнил бабкиного мужа.

– Гирька, – усмехнулся Черный и стукнул гирькой по Максимовой голове.

– Беги теперь, да не оглядывайся. Беги, шпана, говорю... Стой. Гирьку позабыл. На гирьку.

Взял гирьку Максим и побежал. Пробежал немного и сел на кучу. Зачем же человека бить по голове!

IV

Посидел Максим на куче, унял сердце и в город пошел. Нужно бы домой, а ноги на Гончарную идут к Ляльке Пятьдесят. Идет Максим на Гончарную. На улицах пусто. И в сердце пусто... А вот и Лялькин белый дом.

– Здравствуй, Лялькин милый дом.

Поднялся Максим и постучал и к Ляльке в комнату вошел. На стене ковер, на полу коврище, а в белой клетке попугай. А Лялька сидит на китайских коленях, ерошит ручкой китайские усы.

– Принес? – спросила Лялька и к Максиму подошла.

– Принес, – сказал Максим тихо. – Гони только китайскую личность. Смотреть трудно...

А китаец по-русски понимал замечательно. Обиделся и встал. И чашечку с кофеем на пол выплеснул.

– Зачем же, – говорит, – выносить такую резолюцию? Уйду и денег не заплачу.

Ушел китаец и дверкой стукнул. Максим тут к Ляльке подошел. К Ляльке наклонился и Ляльке целует щеку.

– Нет у меня денег, Лялька Пятьдесят.

– А, – вскричала Лялька Пятьдесят, – денег нет?

– Нету денег. Пожалей меня, Лялька! Очень мне трудно, без денег, пожалей, ну, скажи, что жалко.

Как закричала тут Лялька:

– А китайские убытки кто возместит?

– Есть в тебе сердце? – сказал Максим и на коврище сел и Лялькины ноги обхватил.
– Есть ли сердце, спрашиваю? Птицу жалеешь? Жалеешь попку?

Как ударила тут Лялька Пятьдесят Максима – помутилось все. Охнул Максим. Охнул, и с полу поднялся.

Гирьку нащупал в кармане. Вытащил гирьку, хотел ударить по Лялькиной голове, да не ударил. Рука не посмела.

Замахнулся Максим и ударил по птичьей клетке. Ужасно тут закричал попугай, и тонко закричала Лялька. А Максим бросил гирьку и снова на коврище сел.

Опальные рассказы. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
– Ну, скажи, что жалко, Лялька Пятьдесят!

1922 г.

Черная магия

I

Не такие теперь годы, чтобы верить в колдовство или, может быть, в черную магию, но только рассказать об этом никогда не мешает.

Много темных людишек и посейчас существует. Как в других деревнях, неизвестно, а в селе Лаптенках это так. В селе Лаптенках бабы, например, и болезни всякие заговаривают, и на огонь и на воду ворожат, и травы драгоценного свойства собирают. Что до другого, не знаю, не скажу, ну, а болезни – это, пожалуй, правильно. С болезнями бабка Василиса очень даже великолепно справляется.

Конечно, придет какой-нибудь этакий ферт заграничный, он, безусловно, только посмеется.

– Эх, – скажет, – Россия, Россия, темная страна!

Так ему что? Ему подавай в цилиндре доктора, в пиджаке, а на бабу Василису он и не взглянет. Да он, может быть, и на лекарского помощника Федор Иваныча Васильченку не взглянет. Вот что! Вот это какой ферт!

Но только с таким человеком я и спорить никогда не соглашусь. Там у них и жизнь другая, а не такая, там, может быть, и болезней-то таких нет, как у нас.

Вот, рассказывают, грелки у них поставлены в трамваях, чтоб сквознячек, значит, ножку не застудил, пожалуйста...

Ведь это что? Ведь это дальше и итти-то некуда. Полное европейское просвещение и культура...

Ну, а у нас и жизнь тут другая и людишки не такие. У нас вот баба, например, погибла от черной магии. Супруга Дмитрия Наумыча.

II

А попустому все и вышло. Ее, имейте в виду, Дмитрий Наумыч со двора вон выгнал. Вот оттого все и произошло. А, впрочем, нет, не оттого. Прежде случай был другой, деревенский. В дело это чортов сын Ванюшка замешался.

Вот что.

Жил-был на свете такой Ванюшка, мужик больной и убогий... Из-за него все и произошло. Конечно, бывали тут на селе и раньше разные происшествия: повадились, например, мужички каждую весну тонуть – то Василь Васильич, мужик богатенький, потонул, то староста нырнул нечаянно, то Ванюшка теперь... Но только все это было по веселым делам, а такого дела, чтобы, например, бабу свою вон выгнать – тут и привычки такой ни у кого не было.

Так вот Ванюшка больной и убогий... Я, как в Лаптенках расположился, сразу обратил полное свое внимание на Ванюшку. Ходит это он, можете себе представить, веселенький, ручки свои, сволочь, потирает. Я его запомнил, остановил тогда на селе, отвел в сторону.

– Ты что ж это, – спрашиваю, – так нахально-то ходишь и ручки свои потираешь, гадина?

А он, как сейчас помню, ехидно так посмотрел на меня.

– А чего, – говорит, – мне горе-то горевать? Мне теперь, знаете, лафа. Я хотя и больной и убогий, а жить теперь буду, что надо. Очень передо мной широкий горизонт в смысле богатеньких невест и приданого.

– Да что ты, – говорю, – врешь?

– Нет, – говорит, – не вру. Как хотите. Ходит теперь мужик в очень большой цене,

Опальные рассказы. Михаил Михайлович Зощенко zoschenko1hai1.ru да только, имейте в виду – мужик холостой, неженатый... Да вы, – говорит, – впрочем, сами-то взгляните, что кругом делается.

Взглянул я кругом, ну, вижу – дела-делишки: на селе бабы кишмя кишат, девки на вечеринках дура с дурой танцуют, а кавалеров ихних – как корова языком слизала. Нету ихних кавалеров. Никто из молодых молодчиков, заметьте, с германской войны домой не вернулся.

«Вот, – думаю, – да-а».

А Ванюшка ходит вокруг села и хвалится.

– Дождлся, – говорит, – я своего времячка. Как угодно. Дорвался до роскошной жизни. Я хоть и больной и убогий, а мужик. Из песни слова не выкинешь.

Так вот с недельку походил по селу Ванюшка, стал, сукин сын, на радостях самогонку хлебать, за речку ездить повадился... Жила-была за речкой фря такая, веселая солдатка Нюшка... И – можете себе представить – потонул Ванюшка. От солдатки возвращался ночью пьяненький и потонул, дурак.

Не удержал своего счастья.

И очень тогда мужички над ним издевались.

III

Ну, хорошо. К ночи он, например, затонул, утром походили мужички по берегу, посмеялись вдоволь и ловить его принялись. Выехали на лодках, пошевелили баграми, кошками по дну поцарапали – нету Ванюшки. А речонка и вся-то ничего не стоит – одно распоряжение, что речонка.

Обиделись мужички.

– Что, – говорят, – за мать честная? Василь Васильича сразу нашли, старосту тоже сразу нашли, а тут этакую невидаль, козьявку, представьте себе, такую найти не можем.

Пустили по речке горшки... Ну, да. Обыкновенные горшки. Глиняные... Это не какое-нибудь там темное поверие или, может быть, старинный обычай, это роскошное средство найти утопленника. Да это можно даже доказать научными данными. Скажем, труп лежит, за корягу ногой, может быть, зацепился. Пожалуйста. Над трупом вода, безусловно, обязана крутиться и воронку делать... Горшок туда – и там, представьте себе, вертится.

Так вот и тут. Пустили горшки. Поплыл один горшок на середину реки и, смотрим, там крутится. Сунули там багор – глыбоко. Яма. Повертели кошкой – осталась там кошка. Тьфу ты, дьявол!

Решили мужички: нырнуть нужно. Тот, другой, пятый – отнекиваются.

– Димитрий Наумыч...

Тот долго спорить не стал, скинул с себя платьишко, рожу свою перекрестил и нырнул.

И тут-то, замечайте, все и началось.

IV

Рассказывал мне после Димитрии Наумыч.

– Нырнул, – говорит, – я. Хорошо. И только я нырнул, как вдруг меня и осенило: «Что ж, – думаю, – ходил тут такой Ванюшка, холостой, неженатый, да и тот в воде захлебнулся. Чего ж, – думаю, – случай-то такой роскошный я буду из рук вон выпущать: выгоню, например, свою бабу, да и поженюсь на богатенькой».

Так вот он подумал и сам чуть водой не поперхнулся, чуть не погиб мужик – пробыл в воде сверх положенной нормы. Даже мужички тогда забеспокоились, потому что

Опальные рассказы. Михаил Михайлович Зощенко zoschenko1hai1.ru пошел по воде пузырь крупный. Но только через минуту выплыл Димитрий Наумыч на свет земной, лег на песок и лежит ужасно скучный и даже трясется.

«Ну, – подумали мужички, – чудо-юдо на дне, не иначе».

А на дне, имейте в виду, все спокойно: лежит Ванюшка на дне, уцепившись штанинкой за корягу.

Стали мужички расспрашивать: что, да что, а Димитрий Наумыч и говорит:

– Тащите, – говорит, – кошкой, все спокойно.

Стали мужички тащить... да только об этом и разговор никакой – больше-то Ванюшка и не нужен в нашем деле, потому что пошло дело по другому уклону. Ну, а Ванюшку, да, вытащили.

Побежал мужик Димитрий Наумыч домой.

«Что ж, – бежит и думает, – кругом во всех деревнях ходит холостой мужик в большей цене. Да я, – думает, – бабу свою теперь с лица земли сотру, или, может быть, ее выгоню».

Так вот он опять подумал, да видит, как-раз эти самые слова ему и нужны. Пришел домой и фигурять начал. И баба ему ступит плохо, и вид-то ему из окна, между прочим, плохой.

Видит баба: загрустил мужик, а с чего загрустил, – неизвестно. Подходит тогда она к нему со словами, а слова все у ней тихие.

– Чего, – говорит, – это вы, Димитрий Наумыч, словно как загрустили?

– Да, – отвечает он нахально, – загрустил. Хочу, – говорит, – богатеньким быть, да вы, имейте в виду, мне помеха.

Промолчала баба.

V

А сказать нужно, баба у Димитрия Наумыча очень даже замечательная была баба. Только одно и несчастье, что не богатая, а бедная. А так-то всем хороша: и голос у ней был тихий и симпатичный, и походка не какая-нибудь утиная – с боку, например, на бок – походка роскошная: идет, будто плавает.

Ее сестру даже родную ферт какой-то за красоту убил. Жить с ним не хотела. В Киеве дело было...

Ну, и эта тоже была очень даже красивая. Все находили. А Димитрий Наумыч мнению этому теперь не внял и свою мысль при себе имел.

Так вот поговорили они, баба промолчала, а Димитрий Наумыч все, замечайте, случая ищет. Походил он по избе.

– Ну, давай, – орет, – баба, кушать, что ли.

А до обеда далеко было.

Баба ему с резонном и отвечает:

– Да что вы, Димитрий Наумыч, я, – говорит, – еще и затоплять-то не думала.

– Ах, – говорит, – ты юмола, юмола, ты, – говорит, – меня, может, голодом уморить думала. Собирай, – говорит, – свое барахлишко, сайки с квасом, вы, – говорит, – мне больше не законная супруга.

Очень тут испугалась баба, умишком раскинула. Да, видит, гонит. А с чего гонит – неизвестно. Во всех делах она чистая, как зеркальце. Думала она дело миром порешить. Поклонилась ему в ножки.

Опальные рассказы. Михаил Михайлович Зощенко zoschenko1hai1.ru
– Побей, – говорит, – лучше, Пилат-мученик, а то мне и итти-то некуда.

А Димитрий Наумыч просьбу хотя ее и исполнил, побил, а со двора все-таки вон выгнал.

И вот собрала баба барахлишко – юбочку какую-нибудь свою дырявую – и на двор вышла. А куда бабе итти, если ей и итти-то некуда? Покрутилась баба по двору, повыла, поплакала, умишком своим снова раскинула.

«Пойду-ка, – думает, – к соседке, может, что и присоветует».

Пришла она к соседке. Соседка повздыхала, поохала, по столу картишки раскинула.

– Да, – говорит, – плохо твое дело. Прямо, – говорит, – очень твое дело паршивое. Да ты и сама взгляни: вот король виной, вот осьмерка, а баба виной на отлете. Не врут игральные карты. Имеет мужик чтой-то против тебя. Да только ты и есть сама виноватая. Это знай.

Вы обратите внимание, какая дура была соседка. Где бы ей, дуре, утешить бабу, вне себя баба, а она запела такое:

– Да, – запела, – сама ты и есть виноватая. Видишь – загрустил мужик, ты потерпи, не таранти. Он тебя, например, нестерпимыми словами, а ты такое: дозвольте, мол, сапожечки ваши снять и тряпочкой наисухонькой обтереть – мужик это любит.

Фу ты, старая дура... Такие слова... Утешить нужно бабу, а она растравила ее до невозможности.

Вскочила баба, трясется.

– Ох, – говорит, – да что же я такоеча наделала? Ох, – говорит, – да присоветуй хоть ты-то мне для ради самого господа. На все я теперь соглашусь. Ведь мне и итти-то некуда.

А та, старая дура, тьфу, и по имени-то назвать ее противно, ручищами развела:

– Не знаю, – говорит, – молодушка. Прямо сказать тебе, ничего не могу. В очень большой цене теперь мужик. И красотой одной и качествами не прельстишь его. Это и думать не смей.

Бросилась тут баба вон из избы, выбежала на зады, да по заднему проспекту и пошла вдоль села. На село-то ей, бедной, и выйти было стыдно.

И вот, видит баба: идет ей навстречу старушка махонькая, неизвестная бабушка. Идет эта бабушка, тихонько катится и чтой-то про себя шепчет.

Поклонилась ей баба наша, заплакала.

– Здравствуйте, – говорит, – старушка махонькая, неизвестная бабушка. Вот, – говорит. – взгляните, пожалуйста, какие дела-делишки на земном свете-то деятся.

Взглянула старая бабушка, головенкой своей, может быть, мотнула.

– Да, – говорит, – деятся, деятся... Ох, – говорит, – молодая молодушка, знаю все, что на свете деется – всех людишек передавить надобно – вот что деется. Да только, умоляю тебя, не плачь, не порти очи себе. В деле таком слеза – помощь никакая. А вот что: есть у меня средства разные, есть травы драгоценного свойства. Есть и словесные заговоры, да только в таком великолепном деле они ничего не стоят. А от такого дела, чтобы человека при себе удержать, есть одно только средство. Будет это средство страшное: особая это роскошная черная кошка. Тую кошку завсегда узнать можно. Ох, любит та кошка в очи смотреть, а как смотрит в очи, так хвостом нарочно качает медленно и спинку свою гнет.

Слушает баба ужасные старухины речи, и млеет у ней сердце.

Конешно, никто не слышал такие речи старухины, кроме бабы нашей, да только все это, безусловно, правильно. Об этом Юлия Карловна тоже говорила. Да и в

Опальные рассказы. Михаил Михайлович Зощенко zoschenko1911.ru
дальнейшем это вполне выяснилось. И еще в дальнейшем выяснилось, что взять нужно было тую кошку черную, в полночь баньку вытопить и тую кошку живую в котел бросить.

– Умоляю тебя, – просила бабушка, – брось тую кошку, безусловно, живую, а не дохлую. А как будет все кончено, вылуци кошачью косточку небольшую, круглую и, умоляю тебя, носи ее завсегда при себе.

Как услышала баба это, ужаснулась, поклонилась старухе низенько.

«Пойду, – думает, – поклонюсь еще раз Димитрию Наумычу, а если не изменит он своего мнения, так есть у меня средство страшное, роскошное».

VI

Пошла баба на село поклониться Димитрию Наумычу, да только пошла она, имейте в виду, зря. Где же было Димитрию Наумычу изменить свое мнение, если он так и горел и даже в город порывался ехать, закончить дело.

Я к нему тогда зашел. Он уж и лошадь свою запрягал. Он мне многое тогда высказал.

– Никогда бы, – говорит, – я такую бабу не выгнал, как бог свят. Лучше, – говорит, – растерзай ты меня на куски и разбросай те куски по полю, но на такое дело никогда бы я не согласился. Очень она, баба, мне в самый раз. Да только больно мне, слушай, богатеньким-то лестно пожить. Ты сам взгляни: ну, какой я есть мужик? Только и есть одно удовольствие, что лошадь у меня, а так-то все идет в развалку и на сторону. Ну вот, ты сам, слушай, друг ты мой, ответь мне для ради самого господя, есть у меня, например, корова или нету?

– Нет, – говорю, – нет у тебя коровы, Димитрий Наумыч. Это я подтверждаю. У тебя, – говорю, – овцы даже какой-нибудь паршивой и то нету.

– Ну, – говорит, – вот видишь. Какой же я мужик после того?

– Да уж, – говорю, – без коровы тебе, как без рук.

– Так вот, – говорит, – а вы говорите: баба. Баба что? Только что хороша собой, а больше у ней, слушай, и преимуществ-то нет никаких... Ну, сестру ее, скажем, за красоту убили. В Киеве дело было. Так мне теперь что? Мне из этого и пальтишка даже не сшить. Да и меня, прямо скажу, этим теперь не заинтересуешь.

Так вот он говорит, со мной объясняется, а баба, заметьте, рядом стоит.

Увидел он ее, закричал.

– Чего, – закричал, – тебе надобно? Уходи. Сделай такое одолжение.

А баба испугалась окрика, да говорит не то, что нужно.

– Ухожу, – говорит, – я, Димитрий Наумыч, еще не знаю куда, наверное, в Киево-Печерскую лавру, так дозвоьте мне на прощанье в баньке вашей попариться.

Посмотрел мужик на нее, не хитрит ли баба. Нет, не хитрит.

Подобрел Димитрий Наумыч.

– Ладно, – говорит, – попарься. В этом, – говорит, – я не притесняю. Ведь я не зверь какой-нибудь. Я за что тебя выгнал? Очень ты хорошая баба и все такое, да только уж извините – рвань коричневая. Ничего у тебя нет и, сознайся, – и не было. Да и родственники, слушай, твои, за сколько лет, хоть бы кто плюнул. Хоть бы кто подарок мне сделал для ради смеха. Рубашку бы, например, преподнес к празднику к светлomu: носите, дескать, Димитрий Наумыч, себе на утешение... Так нет того.

Не стала баба долго его слушать, повернулась да и пошла, а Димитрий Наумыч сел в телегу, свистнул, гикнул, да и был таков.

Опальные рассказы. Михаил Михайлович Зощенко zoschenko@mail.ru
И вот, представьте себе, едет он в город, а баба тем временем баньку вытопила, кошку попову черную приманила, заперла ее в баньке и ждет ночи.

Встретил я ее, бабу бедную, в тот вечер. По селу она бежала. Стиснула этак вот кошку к груди и бежит и бежит простоволосая и вроде как страшная.

«Ох, – подумал я, – гибнет баба».

Но только, имейте в виду, дело мое сторона.

VII

А к ночи сделал мужик свое дело, выпил с братом своим в городе самую что ни на есть малость и едет обратно веселенький, песни даже играет. И не чует, не гадает, что с ним такое сейчас стряется. А стряется сейчас с ним дело совершенно удивительное – прут, ну, ветка, скажем, сухая в колесо попадет и лошадь гибнет...

Только об этом после. К этому и время еще не подошло. А мне только сказать нужно: если б не упала тогда лошадь, то ничего бы, может быть, и не случилось с бабой, поспел бы Дмитрий Наумыч, ну, а тут лошадь, представьте себе, упала.

Хорошо. Так вот едет мужик по лесу, на телеге раскинулся, ручки свои в стороны разбросал. Едет. А лошадь идет шагком мелким, ее и править не надо. Да Дмитрий Наумыч и не правит. Он, имейте в виду, вожжи даже бросил. И это верно он поступил: лошадь и днем и ночью навсегда дорогу к дому найдет. Об этом я очень великолепно знаю. В извозчиках я и сам больше года был.

Так вот, идет себе лошадь Дмитрия Наумыча, шагком, а Дмитрий Наумыч вожжи отпустил и про себя песни играет. А ночь, имейте в виду, темнейшая. Хорошо. Мурлычет он пьяненький – «Кари глазки», только, смотрит, к погосту подъезжает.

И стало мужику не по себе.

«Вот, – думает, – мать честная, сколько тут людишек позарыто, да и мне места такого не миновать... А я, обратите внимание, такими вещами занят: бабу, например, свою гоню, для ради какого-то богатства и роскоши...»

Подъехал он к погосту хмурый, песни свои забыл и лежит на телеге – скучает. Только чует: смотрит будто на него ктой-то пристально.

– Кто? – крикнул мужик.

– О-о! – закричали ему с погоста.

Хотел мужик подхлестнуть свою лошадь, да только чует: и рукой ему шевельнуть жутко.

«Ну, – думает, – скорее бы место такое злачное миновать».

Только это он так пожелал себе, вдруг его ктой-то хлясь по роже.

Замер Дмитрий Наумыч, похолодел.

А прут, представьте себе, обернулся еще раз в колесе – хлясь обратно по роже. Смертельно закричал Дмитрий Наумыч. А лошадь – дура. Лошадь слышит – кричит мужик, думает – на нее, – понесла. Мужик кричит чужим голосом, а лошадь так и дует, так и прет к дому.

Пронеслись они верст наверное пять, Дмитрий Наумыч видит: никто его больше по роже не бьет – кричать перестал, в себя пришел. Пришел в себя, тпр да тпр – не остановят коня. Ему бы, дураку, нужно ш-ш сказать, а он за вожжу. Он за вожжу, а лошадь несомненно в сторону. Лошадь несомненно в сторону, а в стороне, имейте в виду, дерево.

Наскочила лошадь на дерево. Хрясь башкой об дерево и скосилась замертво.

Выпал мужик из телеги, шапку снял. Да, видит, скончалась лошадь.

«Ой, – думает, – вот беда, так беда, такого и бедствия во всей жизни еще не было. Ну, – думает, – отпущена мне эта беда не иначе, как за бабу мою».

Стоит мужик и себе не верит. И себя-то ему жалко, и лошадь, – дело такое драгоценное, мужицкое, и за бабу до того грустно, что и сказать невыносимо. Постоял, он постоял.

«Ну, – думает, – что есть, то есть. Пойду-ка я на село поскорейча, может быть, с бабой моей еще ничего не случилось».

Так вот он подумал, заторопился, привязал зачем-то лошадь к дереву, взвалил на себя дугу да сбрую и пошел скорым шагом.

Да только зря он торопился. Было уже поздно. Случилось уже такое, что и во сне не снилось мужику.

VIII

Начала баба дело свое – черную магию, когда Димитрий Наумыч к погосту подъезжал.

Пришла баба в те часы в баньку, крест и платишко свои в предбаннике оставила и без ничего в баню вошла. Вошла она в баню, крышку с котла откинула и кошку ищет.

«Где же, – думает, – кот. Не видно его чегой-то».

Смотрит: забился кот под лавку.

Баба ему: кыся, кыся, а он, представьте себе, щерится и в очи смотрит. Баба протянула руку – он зубами. Изловчилась как-то баба, ухватила его за шкурку, плюхнула в котел и крышкой поскорей прикрыла. Прикрыла она крышкой и слышит: бьется кошка в котле это, ужасно как, даже крышка чугунная вздымается. Налегла баба грудью на котел, а сама от страха сомлела вся, и вот-вот, видит, силушки удержать не хватит. А в котле повертелось, повертелось и заглохло.

Подложила баба дров побольше, отошла от печки и на лавку присела. Ждет.

И вот слышит, будто вода ключом кипит. Посмотрела: да, крышка вздымается и ходуном ходит.

«Ну, – думает баба, – сейчас конец».

Подбежала она к котлу, только приподняла крышку, как в лицо ей бросится кот или чего-то такое другое. Всплеснула баба руками и на пол рухнула.

IX

Конечно, никто толком теперь не знает, как в точности это было. Скорее всего когда она открыла котел, а ее паром и обожгло. А баба с перепугу подумала, что это в нее кошка бросилась. Взяла и померла с перепугу.

А конец делу был такой.

Вышел я утром на село, смотрю: бежит поскорей мужик Димитрий Наумыч, и на нем, представьте себе, честь честью, дуга и сбруя. Очень я удивился, а он ко мне.

– Не видел ли, – кричит, – бабы моей?

– Нет, – отвечаю, – бабы я твоей не видал. А вот вчера, – говорю, – да, видел, баньку она вечер топила.

Ухватил он тут меня за руку, я мы побежали.

Ворвались в баньку, шагнули за порог, и тут представилась нам такая нестерпимая картина. Лежит, представьте себе, баба на полу совершенно мертвая.

Охнул тут Димитрий Наумыч, схватил себя за голову и говорит: «Вот, – говорит, – через свою жадность потерял такую верную супругу».

Опальные рассказы. Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

И, конечно, заплакал горькими слезами.
1921 г.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://zoschenkomihail.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,
недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!